

ТУЙМЕБАЕВ ЖАНСЕЙТ КАНСЕЙТОВИЧ

**Теоретические принципы и критерии историко-генетического
разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей**

10.02.06 – тюркские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Республика Казахстан
Астана, 2008

Диссертация выполнена на кафедре общего языкознания и теории перевода Евразийского национального университета им Л.Н. Гумилева

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **Кайдаров А.Т.**

доктор филологических наук
профессор **Чеченов А.А.**

доктор филологических наук
профессор **Ескеева М.К.**

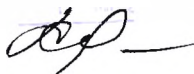
Ведущая организация: **Казахский национальный
университет им. аль-Фараби**

Защита состоится «25» декабря 2008 г. в 14⁰⁰ часов
на заседании диссертационного совета Д 14.29.02 по защите диссертаций
на соискание ученой степени доктора филологических наук в Евразийском
национальном университете им. Л.Н. Гумилева по адресу: 010008, г.Астана,
ул. Мунайтпасова, 5, УЛК, ауд. 823.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Евразийского
национального университета им. Л.Н. Гумилева.

Автореферат разослан: «24» ноября 2008 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Г.С. Сагидолла

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. В диссертации представлен опыт комплексного лингвистического и историко-стратиграфического исследования тюрко-монгольских взаимосвязей как целостной системы с привлечением материалов по всем основным ее типам.

Актуальность диссертационного исследования. В современном языкознании имеются значительные исследования в области синхронно-диахронического описания лексики разных языков в сравнительно-историческом аспекте. Между тем дальнейшее развитие компаративистики как актуального направления научного исследования выдвигает новые задачи и проблемы. Прежде всего, в собственно лингвистическом плане.

Тюрко-монгольские исторические этноязыковые взаимодействия – это одна из интереснейших, но в то же время и одна из труднорешаемых проблем языкознания. При всем повышенном внимании лингвистов, историков, этнографов и т.д. проблема тюрко-монгольских этноязыковых контактов в целом и казахско-монгольских в частности, все еще не получила достаточно стройного освещения в специальной литературе как в теоретическом, так и прикладном аспектах. Этот вопрос неразрывно связан со сложной и запутанной проблемой общности алтайских языков. Перед исследователями стоит важнейшая задача разобраться во всех перипетиях алтаистической проблематики и определиться в существующих теориях родства/неродства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков.

Актуальность данной работы определяется еще и тем, что сравнительно-историческое изучение заимствований как одного из самых динамичных процессов в историческом развитии и обогащении языков является важной общелингвистической проблемой, способной пролить свет на сущность лексических процессов языков, непосредственные контакты с которыми привели к тесному взаимовлиянию и взаимодействию. Решение многих вопросов исторической лексикологии казахского языка, собственно проблемы монгольских лексических заимствований в казахском языке, как, впрочем, и в большинстве других тюркских языков, затруднены еще и тем, что не в полной мере собран, систематизирован, идентифицирован и к тому же малодоступен соответствующий лингвистический материал. Поэтому многие вопросы исторической лексикологии казахского языка остаются еще недостаточно разработанными и требуют дальнейших исследований в этой области.

Отметим, что комплексное изучение тюрко-монгольских лексических параллелей в ее целостном виде с обращением к таким аспектам анализа, как историко-стратиграфический, сравнительно-исторический, открывает, кроме развития самой компаративистики как науки, довольно широкие возможности для решения многих важнейших вопросов таких смежных

наук, как историческое источниковедение, этнография и этнология, культура и история.

Цель исследования заключается в разработке принципов и критериев историко-генетического разграничения тюрко-монгольских лексических параллелей.

Поставленная цель и логика исследования предопределили необходимость решения следующих **задач**:

- проанализировать этапы становления алтаистики как самостоятельного научного направления, дать научно-аналитический обзор существующих в алтайской теории гипотез;

- разработать научно-теоретическую и методическую основы для диахронической, диатопической, генетической систематизации обширного пласта общей для тюркских и монгольских языков лексики;

- определить хотя бы в самых общих чертах зоны возможных тюркско-монгольских контактов в разные исторические эпохи;

- установить репрезентативную серию фонетических, морфологических, лексико-семантических, историко-культурологических, ареально-географических, хронотопологических и иных диагностических признаков и критериев разграничения тюркизмов в монгольских языках от монголизмов в тюркских;

- выявить соответствующие таксоны для разных диахронических уровней: а) тюркских заимствований в монгольском и б) монгольских заимствований в тюркских языках;

- разработать научно обоснованные принципы проектирования на соответствующие таксономические уровни лексических заимствований, выявленных для разных исторических периодов: а) тюркские заимствования в монгольском и б) монгольские заимствования в тюркских языках.

Объектом предпринятого исследования являются тюркско-казахско-монгольские лексические единицы (заимствования из тюркских и монгольских языков).

Предмет исследования – принципы и критерии историко-генетического разграничения тюркских лексических заимствований в монгольских языках и монгольских – в тюркских.

Поставленные цель и задачи исследования обусловили необходимость использования различных общенаучных и собственно лингвистических методов и приемов исследования. Применяемые в диссертации описательный, компаративный, стратиграфический, сравнительно-исторический методы помогают раскрыть особенности лексико-семантической и морфологической структуры многих лексических единиц тюркских и монгольских языков. Различные формы анализа и синтеза, классификации и обобщения, текстологического и этимологического анализа, количественного подсчета позволили выявить обще-и

частнолингвистические концепции, необходимые для обоснования применяемых в работе принципов и критериев диагностики рассматриваемых языковых единиц.

Привлекаются к анализу данные диалектов рассматриваемых языков, а также тюркские и монгольские старописьменные памятники. Осуществлялась обработка данных словарей специальной лексики, а также словарей различного типа литературных национальных языков: толковых, тематических, идеографических, фразеологических, двуязычных и т.д.

Методологическую и теоретическую основу исследования составили концептуальные положения, согласно которым факты и явления действительности рассматриваются прежде всего с точки зрения историзма и системности. В трудах С.А. Аманжолова, Й. Бенцинга, Н.А. Баскакова, А. Дилячара, Д.Д. Васильева, Г. Дёрфера, В. Дыбо, В.В. Иванова, А.К. Курышжанова, Дж. Клоусона, Д.М. Насилова, Н.Н. Поппе, М. Рясянена, Г.И. Рамстедта, А.М. Щербака, Д. Шинора и многих других авторов представлены достаточно полные и ценные сведения, позволяющие проследить историю развития алтаистики в целом.

Неоценимый вклад в собиране, систематизацию и анализ языкового материала внесли такие крупные ученые, как В.И. Абаев, А.С. Аманжолов, В.Д. Аракин, Б. Базылхан, Н.А. Баскаков, Т.А. Бертагаев, Б.Я. Владимирцов, Н.К. Дмитриев, А.Т. Кайдаров, С.К. Кенесбаев, А.Н. Кононов, И.В. Кормушин, В.Л. Котвич, С.Е. Малов, Х.Х. Махмудов, П.М. Мелиоранский, К.Г. Менгес, К.М. Мусаев, В.В. Радлов, А.Рона-Таш, Э.Р. Тенишев, М. Томанов, В.И. Цинциус и мн. др.

В историкографических исследованиях особое место занимают работы Ч.Ч.Валиханова, Л.Г.Гумилева, И.Л. Кызласова, С.Г.Кляшторного, Т.И.Султанова и др.

Источники и материалы исследования. Основными источниками для исследования послужили данные различных типов словарей (этимологические, историко-этимологические, толковые, исторические, двуязычные и др.), письменные источники – оригинальные и переводные памятники тюркской и монгольской письменности (VII-XII вв. и XII- XIV). Материалом исследования послужили выявленные в результате сплошной выборки лексические единицы- заимствования - из тюркских и монгольских языков и их лексические варианты. Общий корпус проанализированных лексем составил более 10 000 единиц.

Научная новизна исследования определяется, прежде всего, тем, что в ней предложена концепция обоснования результатов языковых и культурно-исторических взаимоотношений языков алтайской семьи. В работе впервые осуществлено всестороннее компаративно-контрастивное и историко-этимологическое исследование общей для тюркских и монгольских языков лексики с детальной разработкой генезиса, словообразовательной структуры, фонетического и семантического

развития слова, внутриязыковых и внешних связей общих для рассматриваемых языков слов. Тюркско-монгольские лексические параллели анализируются на новом уровне осмысления в рамках проблемы алтаистики, объединяющей различные парадигмы на единой методологической основе, развиваемой в русле антропологического и интегративного направлений научного знания. Поэтому новизна исследования обусловлена также реализацией комплексного междисциплинарного подхода к описанию объекта исследования: на обширном конкретном материале комплексно изучены тюркско-монгольские лексические параллели в диахронии и синхронии сопоставляемых языков посредством применения различных лингвистических методик и анализа языковых явлений в историческом, этнографическом и культурологическом ракурсах. Установлена хронология тюрко-монгольских этноязыковых взаимоотношений по историческим и лингвистическим данным, предложены новые хронотопологические рубежи истории развития тюркских языков.

Концептуальные обобщения и основные теоретические положения, выносимые на защиту:

1. Современная алтаистика как самостоятельная лингвистическая дисциплина включает в себе целый комплекс научных знаний – лингвистических, филологических, исторических, этнологических, археологических, культурологических, искусствоведческих, философских и т.д. Углубленное изучение подобных проблем позволит лучше раскрыть этнические и языковые процессы, происходившие в пределах алтайского ареала и сыгравшие огромную роль в истории Евразийского геополитического пространства.

2. Одной из последовательных и аргументированных гипотез в алтайской теории является контактологическое направление изучения материальных сходств алтайских языков. Сходства, обнаруживаемые между разными языками, объясняются не только и не столько генетическим родством языков, объединяемых в алтайскую семью языков из единого языка-основы, а скорее следствием разного рода контактов между ними, результатом взаимоотношений и соприкосновений различных материальных и духовных культур.

3. Сравнительно-сопоставительное изучение истории взаимовлияния и взаимных контактов тюркских и монгольских языков, обобщение результатов функциональных особенностей заимствований в языках алтайской лингвистической семьи аргументированно доказывает, что речь идет о лингвистической общности или языковом союзе, порожденном чрезвычайно сложными двухсторонними и даже более широкими диахроническими и диапопическими связями между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также многими другими

исторически контактировавшими иносистемными языками, которые продолжались в течение многих веков и даже тысячелетий.

4. Исторические контакты, отразившиеся в лексических взаимозаимствованиях, в свою очередь, неоднородны как в генетическом, так и в хронотопологическом отношениях. В генетическом отношении казахско-монгольские лексические параллели прежде всего разграничиваются на следующие группы: 1) тюркские заимствования в монгольских языках; 2) монгольские заимствования в тюркских языках (в том числе и в казахском); 3) казахские заимствования в монгольском (главным образом в западных говорах), калмыцком и др.; 4) сепаратные (отсутствующие в других тюркских языках) монгольские заимствования в казахском; 5) общие заимствования из контактирующих иносистемных языков и т.п.

5. Одним из важных технических приемов сепарации тюркских лексических заимствований в монгольских языках от монгольских лексических заимствований в тюркских (в том числе и в казахском) является сравнительное изучение лексики, зафиксированной в ранних письменных памятниках этих языков. Обращение к свидетельствам ранних письменных памятников тюркских и монгольских языков путем сравнительного изучения отраженных в этих памятниках лексических фондов обеих языковых семей позволяет достаточно убедительно установить первоначальную генетическую принадлежность анализируемого слова.

6. Анализ репрезентативного материала древних и современных тюркских языков показывает, что в пратюркском языке не было коррелятивной оппозиции согласных по признаку глухости/звонкости или силы/слабости в анлаутной позиции. Глухое начало слова является вообще одним из типологических универсальной языков агглютинативного строя. Сильное экспираторное ударение на первом слоге не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких согласных. Современное состояние тюркских языков, особенно их диалектов хранит немало косвенных признаков, указывающих на правомерность гипотезы о первоначальном глухом анлауте тюркского слова. Ревизия фонетического закона Рамстеда – Пеллио воспринимается как недостаточно обоснованная гипотеза, и все попытки использовать этот «закон» для подкрепления постулата о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в основе своей бездоказательны.

7. Казахский язык, как один из представителей кыпчакской ветви тюркской семьи, имеет многочисленные схождения с языками монгольской семьи на всех строевых уровнях. Казахско-монгольская языковая общность базируется на огромном количестве материальных схождений, охватывающих все тематические группы лексики, кроме

числительных, а также определенном количестве совпадающих аффиксальных морфем именного и глагольного словообразования.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что оно вносит вклад в интегративную концепцию извлечения актуальной информации об объективной действительности в русле таких современных лингвистических направлений, как компаративистика и теория языка, что способствует более глубокому проникновению в лингвистические механизмы реализации различных категорий в языковых структурах. Теоретическая ценность работы определяется ее местом в методике сравнительно-исторических исследований, новым ракурсом рассмотрения лексических единиц, что дает возможность использования результатов исследования для дальнейшей теоретической разработки алтаистики в целом и тюркологии, в частности. Изучение лексики тюркских и монгольских языков на лексико-семантическом и морфологическом уровнях имеет первостепенное значение для разработки вопросов описательной, сравнительной и сравнительно - исторической лексикологии и морфологии казахского и других тюркских языков, так как оно проливает свет на целый ряд невыясненных вопросов фонетической, лексико-семантической и морфологической структуры лексем указанных языков и выявляет историю развития многих структурных закономерностей на различных языковых уровнях.

Данная теория может служить а) базой для проведения подобных исследований на материале других языков; б) быть основой для сопоставительных исследований, стимулом для построения общелингвистических концепций; в) способствовать дальнейшему углубленному описанию онтологических характеристик лексической семантики.

Практическая ценность выполненного исследования состоит в том, материалы и результаты исследования лексики тюркских и монгольских языков могут быть использованы при решении различных вопросов синхронической и диахронической лексикологии, при разработке различных вопросов общего языкознания, при чтении теоретических курсов по проблемам истории языка, а также в новейших трудах по теории казахского языкознания, контрастивной лингвистики. Практическая значимость работы видится и в возможности ее использования при составлении различного рода лексикографических работ, в частности, при создании толковых, двуязычных, исторических, диалектологических и этимологических словарей, а также в практике преподавания казахского и других тюркских языков в вузе и школах, в спецкурсах и спецсеминарах, при составлении учебников и учебно-методических пособий.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в монографиях «Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках

(Ревизия фонетического закона Рамстедта-Пеллио)» (Москва, 2004); «Казахско-монгольские лексические параллели. Материалы к Этимологическому словарю казахского языка» (Москва, 2005), «Становление и развитие алтайской теории и алтаистики (Туркестан, 2006); «История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений» (Астана, 2008), 2-х учебных пособиях и 35 публикациях.

Материалы и результаты исследования апробированы на *международных* научных и научно-практических конференциях: «Бодуэновские чтения» (Казань, 1999, 2001); «Тюркология на стыке веков» (Алматы, 2001); «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности» (Астана, 2001); «Актуальные проблемы современной тюркологии и ее задачи на перспективу» (Туркестан, 2002), «Древнетюркское наследие - источник казахской культуры» (Астана, 2002); «Мир тюркского слова» (Алматы, 2004); «Сотрудничество Казахстана и России – залог содания ЕвразЭС» (Кокшетау 2004); «Языки и литература тюркских народов: история и современность» (Елабуга, 2004); «Древнетюркские памятники: палеография, текстология, история письменности» (Астана, 2006); «Отечественная тюркология: проблемы, поиски, итоги» (Астана, 2007); на *региональных и республиканских* конференциях: «Научное наследие С.А. Аманжолова и проблемы гуманитарных наук XXI века» (Усть-Каменогорск, 2003), «С.А. Аманжолов и теория казахского языка», посвященной 100-летию со дня рождения проф. С.А. Аманжолова (Алматы, 2003) и др.

Структура и содержание работы. Структура диссертации определяется общим направлением диссертации, поставленными конкретными задачами и спецификой исследуемого предмета. Работа состоит из Введения, 4 разделов, выводов, списка использованных источников, определений и сокращений.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность темы, цель, задачи и объект исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, указываются фактический материал и методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первом разделе **«Теоретические и научно-методологические основы развития и становления алтаистики»** рассматриваются вопросы, связанные с разработкой научного подхода к проблеме алтаистики как самостоятельной лингвистической дисциплины, дается обзор истории становления и развития урало-алтайской и алтайской

гипотез в языкознании и системный анализ научного наследия зарубежных и отечественных ученых-лингвистов.

История алтаистики насыщена различными концепциями pro et contra генетического родства так называемых «алтайских» языков: высказываются различные точки зрения, касающиеся значительного объема общих лексических, грамматических и других строевых элементов в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языках, традиционно объединяемых в алтайскую общность, – одними исследователями они объясняются генетическими связями этих языков между собой, другими – одновременными взаимозаимствованиями и типологическим их сходством. Для того, чтобы разобраться во всем этом клубке противоречий, естественно, необходимо подробно ознакомиться с историей развития алтаистики в целом и сложившихся внутри нее различных направлений, чтобы установить, в чем заключается истинная причина крайне противоречивых взглядов на природу материальной общности так называемых «алтайских» языков.

Алтайский этнолингвокультурологический ареал с древнейших времен является местом взаимодействия не только разных языков, но и разных культурных традиций, религиозных воззрений, хозяйственных укладов. Язычество, шаманизм, буддизм, манихейство, несторианство, ислам, христианство в разное время в той или иной мере существовали на его территории и оставили яркий след в культуре, искусстве, в языках.

Тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, с одной стороны, палеоазиатские, енисейские, самодийские, индоевропейские (иранские, тохарские, санскрит и др.), тибетский, китайский, корейский и многие другие – с другой, через непосредственные соприкосновения или благодаря интенсивным культурным связям их носителей, неоднократно вступали в активные контакты, приводившие к взаимопроникновению лексических и морфологических элементов и к формированию общих структурных черт.

Проблема алтайской общности, в которую традиционно объединяются тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, а также, с некоторыми оговорками, корейский и японский языки, до настоящего времени остается в языкознании неразрешенной. Все специалисты, занимающиеся компаративным исследованием языков, входящих в состав алтайской семьи, признают эту общность и само название этой общности, но отношение отдельных групп языков между собой внутри этой общности понимается и определяется различными исследователями по-разному.

Некоторые лингвисты считают, что все группы языков, входящие в алтайскую семью, являются искони генетически родственными, другие же утверждают, что материальная близость между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками определилась позже и объясняется не общим их происхождением, а тем, что было приобретено в результате

многовековых тесных взаимоотношений между ними и сложной многократной взаимной интерференцией, сказавшейся на всех строевых уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом.

Алтайская и, шире, урало-алтайская теории и сравнительно-историческое изучение традиционно объединяемых в эти семьи языков имеют длительную историю и обширную специальную литературу. В трудах Й. Бенцинга, Д. Шинора, Н. Поппе, А. Дилячара, Д. М. Насилова, Н. А. Баскакова и др. авторов представлены достаточно полные и ценные сведения, позволяющие проследить историю развития алтаистики в целом.

До формирования классической алтаистики в начале XX века эта наука прошла сложный и противоречивый путь становления. По словам А. М. Щербака, «усилиями многих поколений алтаистов не только вносилась ясность в понимание долго не поддававшихся объяснению «темных пятен», но и создавалась невероятная путаница представлений о связях алтайских языков, о характере, количестве и составе совпадающих в них лексических единиц, морфологических показателей, структурных черт» [1]. На этом долгом пути можно выделить несколько взаимосвязанных направлений и этапов:

- период постепенного накопления и освоения эмпирического материала по многим языкам обширной алтайской семьи и весьма неопределенные теоретические позиции первых исследователей алтайских языков;

- первоначально априорная манифестация генетического родства алтайских и, шире, урало-алтайских языков, и своеобразие использования разработанного на материале главным образом индоевропейских языков сравнительно-исторического метода применительно к алтайским языкам;

- кризис разделения некогда единой урало-алтаистики на две самостоятельные отрасли – уралистику (финно-угроведение) и собственно алтаистику, становление алтаистики как самостоятельной отрасли гуманитарных (прежде всего лингвистических) дисциплин;

- период становления ортодоксальной алтаистики в середине прошлого века и развитие неоалтаистики с ее теорией заимствований, которую применительно к алтайским языкам более правомерно было бы назвать «теорией языкового союза».

Длительный этап от первого знакомства просвещенной Европы с новыми восточными языками и появления в специальной литературе первых отрывочных сведений об отдельных алтайских языках и диалектах до разработки первых сравнительно-исторических работ и становления классической алтаистики в первой четверти XX века, очевидно, следует назвать этапом накопления и предварительного научного осмысления фактического лингвистического материала. На протяжении этого длительного, сложного и полного противоречиями этапа происходило постепенное накопление сведений по живым тюркским, монгольским и

тунгусо-маньчжурским языкам, открытие и расшифровка древних письменных памятников, составление словарей и грамматик по многим алтайским языкам и диалектам. Параллельно с этим осуществлялись первые, во многом еще интуитивные, попытки сближения языков, установления их взаимосвязей на основе чисто внешних сравнений, провозглашалась гипотеза первоначального генетического родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, уральских (финно-угорских), а также ряда других древних и живых языков Евразии. Поэтому период со времени появления в первой половине XIX века пионерных опытов В. Шотта, А. Боллера, М.А. Кастрена и др. по научному доказательству предполагаемых родственных взаимоотношений между отдельными группами алтайских языков и до сформирования на рубеже XIX-XX вв. ортодоксальной алтайской теории можно назвать периодом научного осмысления эмпирического лингвистического материала и манифестации алтайской (шире – урало-алтайской) гипотезы.

В становлении алтаистики как самостоятельной отрасли компаративной лингвистики огромную роль сыграла процветавшая на протяжении почти всего XIX и начала XX века гипотеза о предполагаемом генетическом родстве алтайских и уральских языков. Однако в связи с накоплением фактического лингвистического материала и под давлением значительных успехов, достигнутых сравнительно-исторической финно-угристикой, урало-алтайская гипотеза пришла в упадок и к середине XX века практически сошла со страниц лингвистической литературы. В связи со значительным вкладом, внесенным урало-алтаистикой в развитие собственно алтаистики, есть основание выделить в истории алтаистики самостоятельный период – период становления, расцвета и упадка урало-алтайской теории.

Формирование классической алтаистики началось с того момента, когда она обособилась от урало-алтайского языкознания в самостоятельное научное направление. Произошло это на рубеже XIX-XX вв., когда в языкознании сложились благоприятные условия для бурного развития сравнительно-исторических исследований по алтайским языкам.

Становление классической или ортодоксальной алтаистики ознаменовано появлением ряда основополагающих работ Г.Й. Рамstedта, Б.Я. Владимирцова, Е.Д. Поливанова и Н.Н. Поппе. Кульминационной точкой в развитии ортодоксальной алтаистики явилось появление сводных сравнительно-исторических грамматик алтайских языков Г.Й. Рамstedта и Н.Н. Поппе. Вершиной классического направления в алтаистике следует считать появившийся в 2003 году трехтомный этимологический словарь алтайских языков.

Параллельно ортодоксальному направлению в алтаистике развивалось и скептическое отношение к гипотезе изначального генетического родства тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, начало которому

было положено известными работами В. Котвича [2]. В середине XX века, после появления трудов Дж. Клоусона [3], скептическое отношение к ортодоксальной алтайской теории все больше возрастает и наступает кризис классической алтаистики. Общие строевые элементы, выявленные традиционной алтаистикой в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, неоалтаистами обоснованно объясняются тесными историческими контактами носителей этих языков. Опираясь на расхождения в базовой лексике и грамматике тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, неоалтаисты считают невозможными их сравнительно-исторические исследования. Таким образом, во второй половине XX века на повестку дня встала задача установления характера лексических и грамматических взаимосвязей между тюркскими и монгольскими языками, с одной стороны, и между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими – с другой. На смену теории изначального генетического родства алтайских языков во второй половине прошлого века приходит теория заимствований. Следовательно, вторая половина XX века представляет собой новый период в развитии компаративной алтаистики. Несмотря на то, что вплоть до наших дней оба направления – ортодоксальное и неоалтаистическое – продолжают существовать параллельно, этот период прежде всего определяется кризисом классической алтайской теории. Этот период можно определить как период становления неоалтаистики.

Современный период развития алтаистики характеризуется также стремлением некоторых исследователей, называющих себя «умеренными алтаистами», объединить идеи ортодоксальных алтаистов и антиалтаистов. «Умеренные алтаисты» полагают, что даже после снятия всех заимствований могут остаться такие соответствия, которые являются более ранними, чем древнейшие заимствования. Иными словами, неоалтаисты не отрицают в принципе идею возможного генетического родства алтайских языков, но склонны относить это предполагаемое родство к более ранним временам, чем это постулировалось ортодоксальной алтаистикой. В этом, пожалуй, заключена сущность современной алтаистики.

Кардинальное изменение научного дискурса компаративистики в последней трети XX века изменило и status quo алтаистики в целом. Ныне она позиционирует себя не только как самостоятельная отрасль сравнительно-исторического языкознания, а как многомерная междисциплинарная область гуманитарной науки, имеющая свои обширные предметные и объектные поля, свои методологические и методические установки, собственный научный тезаурус.

Во втором разделе «**Этноисторические предпосылки тюрко-монгольских языковых контактов**» исследуются в основном экстралингвистические предпосылки возникновения и развития тюркско-

монгольских этноязыковых контактов, устанавливается хронология тюркско-монгольских отношений по историческим данным.

Интердисциплинарные историко-лингвистические исследования позволяют охватывать структурную сложность и многомерность тюркско-монгольских этноязыковых взаимосвязей, продолжавшихся почти непрерывно в течение 10-12 веков, а также выстраивать исследование на принципиально иной – междисциплинарной – основе. В отличие от традиционного монодисциплинарного – сравнительно-лингвистического или лингвокомпаративного – исследования полидисциплинарные и междисциплинарные исследования берут изучаемый объект – результат более чем тысячелетнего тюркско-монгольского этнолингвокультурного взаимодействия – во всей его нерасчлененности, целостности. Это означает, что отдельные этнографические, фольклорные, культурные и т.д. элементы, сложившиеся как в тюркоязычной, так и монголоязычной этнолингвокультурной среде, в результате многовековых взаимных контактов, взаимовлияний, взаимодействия изучаются в системных связях друг с другом. Такой тип интегрирования и комплексирования объектных и предметных полей, репрезентативной эмпирической базы, методологических, методических и прочих установок разнопрофильных научных дисциплин гуманитарной области может быть охарактеризован как синтез. Однако такой синтез возможен только в том случае, если действия языковедов, историков, этнологов, физиоантропологов, фольклористов, культурологов и исследователей других автономных областей гуманитарной науки будут согласованными и ориентированными на самые разнообразные формы взаимодействия и взаимопонимания. До появления первых энциклопедических компендиумов по общеалтаистической пролематике, или даже уже – по тюркско-монгольской исторической контактологии – еще очень далеко. Для этого потребуются титанические усилия многих поколений ученых с энциклопедическими знаниями, объединенных в единый научно-исследовательский центр алтаистики, в котором, на наш взгляд, должны быть сосредоточены лучшие специалисты по всем этноязыковым сообществам, традиционно объединяемым в алтайскую общность.

В процессе длительного исторического развития пра- и древнетюркские языки взаимодействовали со многими иносистемными языками – иранскими, сино-тибетскими, монгольскими, арабскими и т.д. Это оставило неизгладимый, но не всегда ясно читаемый след на всем облике тюркских языков, в их числе, конечно же, и казахского. Исследование иноязычных элементов в казахском, а также в других тюркских языках, имеет исключительно важное значение для правильного понимания не только истории казахского языка, но и истории самого народа и его исторических и современных соседей.

Решительный сдвиг научных интересов нового поколения алтаистов связан с тем, что в последней трети XX века на стыке различных научных

сфер стали формироваться такие междисциплины, как этнолингвистика, лингвофольклористика, этнолингвокультурология и др. В результате этого назрела научно-методологическая и эмпирическая база для конституирования и придания определенного научного статуса новой интегрированной отрасли алтаистики – междисциплинарной контактологии.

Тюркологам и, шире, алтаистам необходимо стремиться к более широкому охвату предметных областей лексического материала. Континуум исследовательского поля в сфере интегрированной междисциплинарной алтаистики создается тем, что смыкаются области истории и языка: история слов, история вещей, история духовных ценностей (концептов культуры) [4].

Многолетняя работа по изучению истории образования многоплановых казахско-монгольских лексических параллелей привела автора данного исследования к твердому убеждению, что не следует упрощать проблему и рассматривать все тюркско-монгольские параллели, представляя их как нечто однородное, как это делается в некоторых исследованиях.

Казахско-монгольские этноязыковые взаимоотношения, возникшие еще в самом начале II тысячелетия и, возможно, несколько раньше, активно развивались и в более поздние исторические периоды и продолжают до сих пор как на восточной, так и на западной перифериях казахского этноязыкового континуума. Поэтому изучение казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений представляет огромный научно-теоретический интерес как в историческом, так и лингвистическом аспектах. В определенном смысле казахско-монгольские этноязыковые взаимосвязи являются эталонными для других тюркских и монгольских народов.

Современные тюркские языки, разве что за исключением чувашского и, с определенными оговорками, якутского, настолько близки, что дают очень мало фактического материала для глубоких пра- и прототюркских реконструкций (вне зависимости от того, как понимаются термины «прототюркский» и «пратюркский»).

По нашему убеждению, первоочередной задачей компаративистов, занимающихся изучением истории традиционно объединяемых в алтайскую общность языков, является выявление всех пластов заимствований в данных языках, и только потом можно будет приступить к интерпретации, так сказать «сухого остатка», если таковой окажется.

Этимологизирование должно учитывать историческую динамику не столько материальной фонетико-морфологической оболочки слова, сколько исторического изменения его смыслового содержания, семантики, но, более того, и исторической динамики самой реалии, обозначаемой этим словом, своеобразии этнокультурной характеристики того языкового коллектива, в недрах которого зародилось это слово, и тех этноязыковых

сообществ, через которые оно прошло, пока не проникло, наконец, в изучаемый язык и т.д., и т.п. На разных этапах исторической миграции слова через ряд родственных и неродственных языков, могли отразиться в нем какие-нибудь архаические представления и воззрения, которые потом оказались чужды тому же языковому коллективу, а также носителям сменивших его или промежуточных языков-ретрансляторов. Так, например, индоиранское *tāmra* прежде чем отразиться в тюркском как *temür* (→ х.-монг. *tömör*) «железо», должно было пройти через обширное семантическое поле, основными вехами в котором представляются: «тьма, темный» > «темно-красный» > «бурый» > «грязь» > «болото» > «руда» > «медь» > «металл» > «железо» и т.п. Только проследив весь этот долгий путь многочисленных семантических метаморфоз, мы можем однозначно утверждать об индоиранских истоках тюркского названия железа.

В разделе выделены основные исторические этапы формирования тюрко-казахско-монгольской языковой общности, которая особенно ярко проявляется на уровне лексики, в том числе заимствованной лексики. Термин «заимствование» в специальной литературе, посвященной сравнительно-историческому изучению тюркско-монгольских языковых (большей частью – лексических) параллелей обычно употребляется недифференцированно и в результате этого создается превратное представление, будто бы это был некий единовременный акт. Такое упрощенное представление о взаимных заимствованиях между тюркскими и монгольскими языками, имевшими место на протяжении более чем тысячелетнего периода, сильно искажает реальную картину этноязыковых взаимоотношений между тюркскими и монгольскими идиомами. На самом деле исторические взаимоотношения между различными тюркскими и монгольскими родоплеменными и раннегосударственными образованиями были куда более сложными, многосторонними и на разных этапах имели самый разнообразный характер – от прямых контактов до адстратно-субстратно-суперстратных и их комбинаций.

Термин *substratum* происходит от латинского слова *substratum* (< *sub* «под» и *stratum* «слой, пласт»), что буквально означает «подстилка», «подкладка». Он был введен в языковедение во второй половине XIX века итальянским лингвистом Г. Асколи. В современном языковедении под субстратом понимается совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной лингвогеографической территории. Субстрат, в отличие от контактного заимствования (интерстрата), предполагает широкое этническое смешение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения.

Наряду с субстратом в современной контактологии выделяются и другие «страты» – адстрат, интерстрат, перстрат, суперстрат. Термины образованы на базе латинского слова *stratum* «слой, пласт» с помощью

соответствующих приставок *ad* «при», *inter* «между», *per* «через», *super* «над, сверх».

Субстрат и *суперстрат* объединяет то, что они являются результатом этнического смешения и языковой ассимиляции. Под *суперстратом* в современном языкознании обычно понимается совокупность черт языковой системы, не выводимых из внутренних законов развития языка и объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных аборигенным населением. Следовательно, значительная часть лексики монгольского происхождения в казахском, как и в языках большинства других тюркских народов, входивших в свое время в состав Монгольской империи, имеет суперстратное происхождение.

Другие «страты» – *адстрат*, *интерстрат* и *перстрат* – отличает от субстрата и суперстрата то, что взаимодействие народов в этих случаях не приводит к растворению одного этноса в другом, ассимиляции одного языка другим.

Теория адстратно-субстратно-суперстратных взаимоотношений приобретает особую значимость в алтаистических исследованиях, поскольку позволяет разграничить генетическое родство языков и их сродство, основанное на смешении языков.

Вопрос о тюркском субстрате (вернее, субстратах) в монгольском является одной из неизученных проблем алтаистики. Проблему субстрата в монгольском нельзя решать абстрактно, вне учета конкретно-исторических условий взаимодействия тюркских и монгольских этносов. Результаты языковых контактов по-разному сказываются на разных уровнях языка в зависимости от степени вхождения их элементов в глобальную целостную структуру. Наименее структурированы и интегрированы в пределах лексического фонда в целом группы специальных терминов для узких областей использования//функционирования языка, поэтому они могут быть заимствованы почти целиком. Таковыми, например, являются термины развитого животноводства, земледелия и т.п. в монгольских языках, которые в основе своей имеют тюркское происхождение.

При тесных контактах родственных и/или иносистемных языков может осуществляться заимствование аффиксальных морфем, причем не только деривационных, но и парадигматических, т.е. с грамматическими значениями. Словоизменяемые или формообразующие аффиксы, как правило, перенимаются при массовых заимствованиях слов, их включающих. К наиболее распространенным последствиям долговременных и интенсивных контактов двух (или нескольких) языков специалисты относят возможность изменения системы фонем одного или обоих контактирующих (или исторически контактировавших) языков, либо всей фонологической системы в целом.

Одновременное совпадение структуры фонологической системы, части обиходного словаря, некоторых грамматических категорий (при возможности их выражения разными средствами в каждом из контактировавших языков) характеризуют *языковые союзы*, возникающие при активных и долгосрочных контактах. К таким языковым союзам, по последним исследованиям, относится и алтайская языковая общность.

В работе рассматривается языковой материал первых контактов прототюрков с соседями – индоиранцами или, точнее, с восточноиранскими племенами скифо-сакского круга, протомонгольскими племенами, которые начались в эпоху бронзы.

Начиная примерно с рубежа II–I тысячелетий можно уже проследить основные вехи исторического развития прототюркского языка-основы и его более поздних когнатов и филиаций. В истории развития тюркских языков прослеживаются следующие основные хронотопологические рубежи.

1. Прототюркская эпоха (с незапамятных времен до раннего железного века) – время формирования и развития прототюркского языка-основы. На поздних этапах можно выделить два периода:

- период интерстратных контактов с восточноиранскими идиомами (конец II тысячелетия до н.э.) и
- период ассимиляции восточноиранского субстрата и формирования огурского R-языка (булгаро-чувашского типа; первые века I тысячелетия до н.э.).

2. Огурская эпоха (VIII–IV вв. до н.э.) – эпоха распространения в степях Центральной Азии тюркского R-языка.

3. Хуннская (сюннская) эпоха (III в. до н.э. – IV в. н.э.).

4. Древнетюркская эпоха (V в. н.э. – XII в. н.э.).

5. Среднетюркская эпоха (XIII–XVI вв. н.э.).

6. Новотюркская эпоха (XVII–XIX вв.).

7. Новейшая эпоха (XX–XXI вв.).

Проанализирован большой объем специальной археологической и историко-лингвистической литературы, огромный языковой материал о происхождении и распространении в древности ряда терминов, связанных, к примеру, с названием металлов, животными или с колесным транспортом.

• Здесь необходимо особо подчеркнуть, что, вопреки устоявшейся в исторической литературе традиции, никаких монгольских племен в степях Центральной Азии, начиная от Большого Хингана и далее на запад, ни в сюннскую эпоху, ни в эпоху древнетюркских каганатов не было. Об этом красноречиво свидетельствует полное отсутствие следов монгольских языков во всех известных древнетюркских письменных памятниках, включая и знаменитый «Дивану лугат ит-тюрк» Махмуда Кашгари.

Отсюда вытекает несколько выводов принципиального характера:

- монголы становятся номадами не ранее первых веков II тысячелетия н.э.;

- монголы заимствуют терминологию развитого скотоводства не ранее рубежа I–II тысячелетий н.э. из тюркского *R*-языка болгаро-чувацкого типа (который мы называем для краткости огурским);

- огурский (=протоболгарский) *R*-язык болгаро-чувацкого типа сохранился в бассейне Керулена вплоть до начала II тысячелетия н.э.;

- известный нам по сохранившимся письменным памятникам XIII века среднемонгольский язык сформировался в результате наложения неизвестных нам древнемонгольских родо-племенных диалектов на огурско-тюркский *R*-язычный субстрат;

- на территории современной Монголии в I тысячелетии н.э. обитали преимущественно тюркоязычные племена; во всяком случае, до рубежа I–II тысячелетий в данном регионе монголоязычных племен не было.

Следовательно, вся концептуальная парадигма древней и раннесредневековой этноязыковой истории Центральной Азии требует кардинального пересмотра.

Особое внимание уделено основным этапам тюркско-монгольских этноязыковых взаимосвязей, имеющих многовековую и чрезвычайно сложную историю. На разных исторических этапах и на разных территориях монгольские языки контактировали с самыми разными тюркскими языками и диалектами – от якутского на востоке до чувашского на западе. Начавшись в глубокой древности, тюркско-монгольские языковые взаимодействия местами продолжаются и в наши дни.

В истории тюрко-монгольских этноязыковых взаимосвязей исследований можно выделить следующие основные этапы:

- период огурско-монгольских контактов (X–XII вв. н.э.): в этот период монголы ассимилируют остатки огурских племен и становятся классическими номадами;
- период уйгурско-монгольских контактов (XII–XIII вв.): в этот период идет ассимиляция монголами древнетюркских племен Центральной Азии;
- период монгольской экспансии аридной полосы Центральной Азии (XIII–XIV вв.): в этот период монголы окончательно растворяются среди тюркоязычных народов завоеванных стран.

Отсчет собственно казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений более корректно начать со времени образования Казахского ханства в середине XV века, хотя при этом нельзя забывать и о более ранних событиях XIII–XIV вв., оставивших заметный след в канглийско-кыпчакском предке казахского языка. С учетом сказанного, в истории казахско-монгольских взаимоотношений можно выделить следующие основные дихронические вехи:

- 1) период монгольского завоевания Дешт-и Кыпчака (XIII–XIV вв.);
- 2) период казахско-ойратских взаимоотношений (XIV–XVI вв.);
- 3) период казахско-джунгарских взаимоотношений (XVII–XVIII вв.);
- 4) период казахско-калмыцких взаимоотношений (XIX–XXI вв.);
- 5) период казахско-халхаских взаимоотношений (XIX–XXI вв.).

Возможны и более дробные периодизации растянувшихся на более чем тысячелетие исторических взаимосвязей казахов и их исторических предков с монгольскими народами.

Тюркско-монгольская языковая общность является продуктом длительного взаимодействия и активных взаимных контактов. Свообразие данной общности предопределено значительной смешанностью монгольских языков тюркскими интерференциями и, вследствие этого, заметным сближением их с тюркскими языками, происходившими в конце I тысячелетия н.э. преимущественно в ходе влияния в одном направлении, которое и обусловило появление мощного инновационного пласта в лексике. Активное воздействие со стороны тюркских языков на прамонгольский происходило, по всей очевидности, еще до его распада и имело тотальный характер. Поэтому есть достаточное основание предполагать субстратно-адстратно-суперстратный характер ранних тюркско-монгольских контактов.

Проблема тюркских заимствований в монгольских языках еще более осложняется тем обстоятельством, что здесь приходится считаться с одновременными лексическими напластованиями, проникавшими на протяжении последних двух тысячелетий из самых разных тюркских языков, начиная с наиболее ранних прабулгарских (огурских) и древнетюркских диалектов и кончая современными тюркскими языками. Несколько проще обстоит дело с относительно поздними (с XIII века) монгольскими заимствованиями в тюркских языках.

Если ранние тюркско-монгольские лексические параллели считать многослойными, то только один, наиболее древний из них, может относиться к праалтайскому состоянию, а все остальные следует квалифицировать как отдельные случаи одновременных исторических заимствований из различных древнетюркских диалектов. На современном уровне изученности проблемы можно говорить по крайней мере о двух диахронических и диатопических пластах тюркизмов – огурском (прабулгарском) и древнетюркском (стандартном тюркском).

В данном разделе осуществлен анализ влияния монгольских языков на тюркские с эпохи возвышения монголов в XIII веке и до настоящего времени. В этот период обратные лексические интерференции не были тотальными, они носили отчетливо выраженный региональный, следовательно, контактно-интерстратный характер.

При сепарации собственного лексического фонда казахского языка от монгольских заимствований определенное значение имеет ареально-

географический (пространственный, лингвогеографический) фактор. Когда, например, казахско-монгольские лексические параллели имеют соответствия в киргизском, алтайском и других тюркских языках Сибири и Алтая, но не обнаруживаются в куманско-кыпчакских и огузских языках, мы сталкиваемся главным образом с относительно поздними (после XIII–XIV вв.) заимствованиями из монгольского в казахский и другие тюркские языки.

Среднемонгольские лексические заимствования казахского языка относятся к наиболее раннему пласту монголизмов, они отложились в период с XIII по XV вв. в канглыско-кыпчакском – прямом и непосредственном предке современных казахского, каракалпакского, ногайского и, в известной мере, узбекского языков.

Казахи стали одним из новых этнополитических сообществ, чье формирование как самостоятельной народности неразрывно связано с эпохой распада Великой Монгольской империи и консолидации новых государственных образований на ее развалинах.

Этническую основу населения Казахского ханства XV века составляли пришедшие в Семиречье кыпчаки, аргыны, конграты и другие племена, а также местные семиреченские племена – канглы, уйсуну, джалаиры, керейты и другие. Для подтверждения данных рассмотрена этимология этнонима *qazaq*, происхождение которого различные исследователи выводили из тюркских или же от монгольских и калмыцких языков.

После падения Золотой Орды из массы раздробленных кыпчакских племен, в которой в свое время растворилась монгольская этноязыковая струя, сформировались казахский, башкирский, ногайский, татарский, киргизский, карачаевский, балкарский, кумыкский, крымско-татарский и другие этносы и языки. К этому времени относится наиболее ранний диахронический пласт монгольских заимствований казахского и, шире, всех тюркских языков. С позиций истории казахского языка этот период условно можно назвать периодом кыпчакско-монгольских языковых взаимоотношений. Сложившийся в этот период относительно небольшой пласт лексических интерференций удобнее всего обозначить как *среднемонгольские лексические заимствования в казахском языке*.

При этом следует особо подчеркнуть, что ко времени формирования собственно казахского языка в XV веке среднемонгольский язык на территории Казахстана и прилегающих регионов давно прекратил свое функционирование. Следовательно, среднемонгольские лексические заимствования XIII – первой половины XIV веков могли проникнуть только в те среднекыпчакские диалекты, на основе которых позднее сформировались казахский, узбекский, каракалпакский, ногайский и некоторые другие современные тюркские языки. Поэтому при строго научном подходе следует говорить о *лексике среднемонгольского происхождения в казахском языке*.

Казахско-монгольские языковые взаимодействия продолжались и в последующие периоды истории. Особое значение имели ойратско-казахские этноязыковые взаимоотношения, которые начинали разворачиваться уже в первой половине XV века. Участие огуру-булгарских племен в этногенезе не только ойратов, но и всех монгольских племен не может подвергаться сомнению. Об этом красноречиво свидетельствует огромное число ранних тюркизмов с явно выраженными булгаро-чувашскими отличительными признаками, проникших во все монгольские языки. Что же касается ойратских диалектов, то в них, по подсчетам венгерского алтаиста А. Рона-Таша [5, с.6-16], число тюркизмов булгаро-чувашского облика значительно выше, чем в диалектах халхаского и других монгольских языков. Добавим к этому несомненный факт участия в этногенезе ойратов древних кыргызов, о чем свидетельствует наличие племени *кэргуд* (мн. ч. от тюркского *quryuz*) в союзе *dörbēn ojrad*.

Принятое в мусульманских странах название ойратов и других западных монголов *qalmaq* (по-видимому, впервые встречается в «Мукаддима», то есть во вводной части к «Зафар-наме» Шариф ад-Дина Али Йазди, завершеному в 1425 году) обычно выводится из тюркского глагола *qalmaq* (ср. каз. *qal-*) «оставаться», что якобы обозначает оставшихся в язычестве ойратов. В настоящее время наиболее достоверной следует признать предложенную В.П. Дарбаковой версию, согласно которой этноним *qalmiq* происходит от монгольского *χalimāg* ~ *χolimōg* «смешанный», «смесь», ср. калм. *χolēmāg* «смешанный», *χalēmāg* «калмык», х.-монг. *χalimāg* «калмык». В языке халха-монголов слово *χolimāg* употребляется при характеристике национального состава полиэтничных регионов [6].

Весьма показательным в данном случае является тюркское, вернее – огурское (прабулгарское), происхождение самого монгольского слова **qolimag* «смесь», «смешанный», в котором однозначно выделяется глагольная основа **qoli-* «смешивать» (← огур. **qol-*, ср. чув. *χilla-* «оплодотворять» < **xulā-la* – букв. «смешивать (кровь)» ~ тюрк. *qoş-* «соединять», «прибавлять», «смешивать») и именной деривационный аффикс *-maq* ~ огур. *-maq*, чув. *-ma*. Следовательно, монгольское слово *qolimag* ~ х.-монг., бур. *χolimāg* «смесь» является ранним тюркским заимствованием, проникшим в прамонгольский язык из языка огурских племен в цельнооформленном виде. Между тем, в монгольских языках самостоятельно функционирует и глагольная основа **qoli-* «смешивать», ср.: ср.-монг. *qoli-*, п.-монг. *qoli-*, х.-монг. *χoli-*, калм. *χolē-*, бур. *χoli-* «смешивать», «примешивать» и т.д.; ср. также производную глагольную форму **qolbu-* «объединять, соединять, связывать, сочетать», ср.: ср.-монг. *qolbu-*, *qulba-*, *qolba-*, п.-монг. *qolbu-*, х.-монг. *χolbo-*, бур. *χolbo-*, калм. *χolwā-*, орд. *χolbo-*, дагур. *χolbo-*, *χolbu-* «соединять» и т.п. [7, с.287] и др.

Основы этих слов имеют тюркское происхождение: монг. *qali* «подниматься», «переливаться через край» восходит к тюрк. **qal(i)* «подниматься», «подпрыгивать», «всплывать» и т.п., ср. каз. *qalqı* «плавать, где разные значения монгольских слов разводятся и сближаются с разными тюркскими словами), а монг. **qoli* «прибавлять, примешивать, смешать» – к огурскому **qol-* ~ общетюрк. *qoſ-*, каз. *qos-* «прибавить, присоединить, добавить» [8, с. 90-94 и др.].

Название **qolimäg* «смесь, смешанный», по всей вероятности, было приложено к населению западных регионов Монголии уже в конце XII века, где в ходе бурных событий в период возвышения Чингисхана действительно происходило неимоверное смешение и ассимиляция собственно монгольских, тюркских (огурских и огузских) и других племен (см. выше). Однако этнонимизация данного термина, по всей вероятности, произошла позднее, в джунгарский период истории ойратов, причем не на монгольской, а на среднеазиатской, тюркско-иранской почве. Корреляция *qolimäg* ~ *qalmıq* ~ *qalmaq* могла произойти только при участии иносистемных языков – тюркских (*qalmıq*) и иранских (*qalmaq*). Следовательно, *qalmıq* ~ *çalëtmäg* ~ *qalmaq*, вероятнее всего, является аллоэтнонимом, данным ойратам коренным населением Средней Азии в период джунгарских завоеваний. Поэтому данный этноним привился только у западной группы ойратов – калмыков Нижнего Поволжья.

Можно предполагать, что в ойратский период казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений могли иметь место только относительно немногочисленные лексические взаимозаимствования в обоих направлениях.

Казахско-монгольские этноязыковые взаимоотношения XVII–XXI вв., характеризуются достаточно тесными казахско-калмыцкими и казахско-халхаскими контактами. Ареально-географическая ограниченность собственно калмыцких лексических заимствований казахского языка обусловлена историческими причинами. Калмыки (самоназвание *walëtmäg*, каз. *qalmaq*, кирг. *qalmaq*, кумык. *qalmıq*, тат. *qalmäq*) как самостоятельный этнос формируются относительно поздно на основе племен ойратской конфедерации.

В формировании нового этноязыкового и этнокультурного облика калмыков важная роль принадлежала тюркскому компоненту, доминирующей в котором является казахская составляющая. Многие из наименований калмыцких родоплеменных подразделений встречаются как названия родов не только у монгольских, но и у целого ряда тюркских народов – казахов, ногайцев, узбеков, киргизов, алтайцев, тувинцев, якутов и др.

Многие из родоплеменных этнонимов калмыцких подразделений встречаются как названия родов у алтайцев, башкир, бурят, казахов, алтайцев, тувинцев, узбеков, киргизов и других тюркских и монгольских

народов. Все это свидетельствует о сильно смешанном тюркско-монгольском происхождении как ойратов и собственно калмыков, так и соответствующих тюркоязычных племен. В связи с казахско-калмыцкими этноязыковыми взаимосвязями весьма показательным является тот факт, что многие казахские роды считают калмыков своими *naγašī* – родственниками по материнской линии (← монг. *naγaši* «дядя по матери», «родственник по материнской линии»), а себя – калмыцкими *žijen* – т.е. племянниками (← монг. »igen, х.-монг. »ē(n) «племянник по материнской линии», «внук по дочери» ← др.-тюрк. *jegen* «племянник»).

Среди калмыков в прошлом широко были распространены так называемые «казахские десятки» (*χasāγud arwān*). Широкое распространение среди калмыков родоплеменных подразделений *χasāγ* (*arwān*) свидетельствует о том, что в этногенезе калмыков значительное участие приняли казахи.

Среди калмыцких племен обнаружены этнонимы, указывающие на участие многих тюркоязычных элементов в образовании отдельных родовых подразделений.

В составе калмыцких родоплеменных подразделений выявлены этнические компоненты уйгурского, татарского (*maŋγād, χarā maŋχād*), ногайского, каракалпакского (*χarχalbāg*), туркменского и т.д. происхождения.

В составе лексики современного калмыцкого языка выявляется огромный пласт слов тюркского происхождения, имеющих разные генетические корни – от древнейших огурских до наиболее поздних казахских, ногайских, татарских и прочих. Выяснение истинной природы и хронотопологии многочисленных тюркизмов калмыцкого языка – дело будущего, но уже сейчас ясно, что доля тюркизмов в калмыцком языке гораздо выше, чем в других монгольских языках – в халхаском, бурятском и др. Ясно также, что сепаратные тюркизмы калмыцкого языка, не представленные в других монгольских языках, в большинстве своем имеют кыпчакское происхождение. Перед алтаистами следующего поколения стоит задача выявления всей совокупности тюркизмов калмыцкого языка и разработка приемов, методов и критериев их разграничения по диахроническим этапам и конкретным языкам – источникам заимствования.

Калмыцкие лексические заимствования казахского языка относительно немногочисленны и составляют самый молодой пласт монгольских наслоений. Лексика собственно калмыцкого происхождения характеризуется ареальной ограниченностью и выявляется главным образом только в западных говорах казахского языка. Основным критерием для разграничения собственно калмыцких лексических заимствований от генетически родственных им более ранних джунгарских и ойратских является ареально-географический признак, дополняемый и

подтверждаемый фонетическими, морфологическими, семантическими, культурно-историческими и другими релевантными критериями.

В целом этноглоктогенез тюркских и монгольских народов в средние века был куда более сложным и не таким прямолинейным, как это представлялось многим исследователям в недавнем прошлом.

В истории казахского народа происходили постоянные процессы смешивания родов и племен. Именно поэтому мы наблюдаем среди южных по происхождению уйсун, канглыицев, дулатов и др. северные роды кереев, конгратов, кыпчаков и, наоборот, среди северных по генезису кыпчаков, кереев, найманов, аргынов роды уйсун и дулатов южного, алшынов западного происхождения. Перманентные интеграционные процессы, естественно, приводили к нивелировке межплеменных диалектных различий в языке. Тем не менее, в говоре казахской диаспоры Монголии сохранились интересные фонетические особенности, которые, на наш взгляд, проливают определенный свет на раннюю историю кереев.

В баян-ульгейском говоре казахского языка сохраняются аффрикаты ζ и ζ' , которые в большинстве метрополийных говоров относительно рано перешли в фрикативные (небно-щелевые) ζ и ζ' ; напр., в начале слова: б.-ульг. ζ - → каз. лит. ζ -: *čapan* → *šapan* «халат»; в середине слова: *aqča* → *aqša* «деньги»; в конце слова: *tilmač* → *tilmaš* «переводчик» и т.д.

Эти и некоторые другие фонетические особенности баян-ульгейского говора казахского языка, по всей видимости, нельзя считать инновациями, возникшими под влиянием окружающих монгольских говоров; они отражают более раннее состояние фонетического строя казахского языка, чем то состояние, которое получило отражение в современном литературном его варианте.

Таким образом, обращение к проблеме тюркско-монгольских этноязыковых контактов и их значению в формировании казахской этноязыковой общности обусловлено прежде всего тем, что древнее тюркско-монгольское взаимодействие продолжается и в настоящее время. Этот прямой, не опосредованный письменно-литературной традицией контакт тюркских и монгольских языков заслуживает самого пристального внимания сразу по нескольким причинам.

Во-первых, такой естественный, прямой контакт идиом в истории человечества встречался гораздо чаще, чем возникший относительно недавно «культурный», опосредованный письменной традицией контакт, примером которого может служить персидско-тюркское, арабско-тюркское, русско-казахское взаимодействие.

Во-вторых, углубленное изучение результатов многовековых тюркско-монгольских контактов позволяет заглянуть в малоизученные периоды развития кочевых цивилизаций Великой степи, в частности, в ранние стадии этноглоктогенеза восточноиранских, тюркских, монгольских и других народов, о которых не сохранилось письменных свидетельств.

В-третьих, поступенчатое, поэтапное изучение тюркско-монгольских этноязыковых взаимосвязей на протяжении доступного обозрению исторического периода позволяет разработать принципы и критерии генетической и хронотопологической стратификации общей для тюркских и монгольских языков лексики и на этой основе решить, наконец-то, затянувшийся спор между сторонниками и противниками ортодоксальной алтайской гипотезы.

И наконец, изучение прямого контакта тюркских и монгольских языков на фоне истории реальных социально-политических событий, имевших место в средние века в центрально-азиатских степях, имеет огромное значение для выяснения путей формирования лексического состава казахских локальных говоров, одним из важных источников которого была иноязычная монгольская стихия.

В третьем разделе «**Проблема анлаутных согласных в алтайских языках: анализ фонетического закона Рамстедта – Пеллио**» представлен критический взгляд на один из фонетических законов, установленных ортодоксальной алтаистикой на материале тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В нем рассматриваются вопросы тюркско-монгольского языкового взаимодействия, дается оценка развития протетических согласных в трех основных языковых семьях алтайской общности. В результате критического анализа теории о праалтайском инициальном **p-* с учетом богатейшего опыта предшественников доказано, что решение сложной и до предела запутанной проблемы тюркского и, шире, алтайского анлаута возможно лишь на основе тщательного и глубокого изучения соответствующего репрезентативного эмпирического материала тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Проблема анлаутных губных согласных в алтайских (тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских) языках неимоверно запутана вследствие стремления алтаистов ортодоксального направления во что бы то ни стало доказать постулируемое родство трех самостоятельных языковых семей – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской.

Современными исследователями для праалтайского (resp. протоалтайского) состояния реконструируется система из четырех губных согласных: **p^c-*, **p*, **b* и **m*, причем предполагается, что придыхательный **p^c-* в анлаутной позиции в тюркских и монгольских языках практически не сохранился.

Вопрос о том, каково было начало слова в тюркском праязыке, допускало ли оно одновременно как звонкие, так и глухие согласные или только глухие, относится к числу наиболее дискуссионных в тюркологической литературе. При этом выделяются три основные гипотезы: 1) в тюркском праязыке были как глухие, так и звонкие согласные в начале слова (Х. Педерсен, В.М. Иллич-Свитыч, К. Менгес и

др.); 2) в праторкском в начале слова допускался только один звонкий согласный *b*- (Н.Н. Поппе, В.А. Богородицкий, М. Ряснен и др.); 3) в праторкском языке в начале слова были только глухие согласные (В.В. Радлов, Э.Р. Тенишев, Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебrenников, А.М. Шербак и др.).

Постулируемые современными алтаистами фонетические реконструкции относительно эволюции праалтайских инициальных губных согласных в тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и др. языках в сущности своей являются модифицированными вариантами так называемого «закона Рамстедта – Пеллио» – единственного фонетического закона, выведенного в результате сравнительного анализа репрезентативного материала всех трех основных языковых групп алтайской общности. Сущность данного закона выражается в следующей схеме:

общеалт. *p- (*φ): тюрк. *θ*- ~ тунг. *p*- ~ маньчж. *f*-.

Проблеме анлаутного глухого губного согласного в монголо-тюркском праязыке (*mongolisch-türkischen Ursprache*) посвящена одна из ранних работ Г.Й. Рамстедта, которая отличается полнотой охвата языковых материалов, выразительностью методики их подачи и связанных с ними выводов. Ученый выявил специфические особенности распределения смычных согласных в начале слова в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Отмечая, что в тюркском праязыке в начале слова из смычных согласных возможны лишь *k*-, *t*-, *b*-, в то время как общемонгольский имеет в данной позиции *k*- и *g*-, *t*- и *d*-, а также *č*- и *č̣*-, но из губных только звонкий *b*-, Г.Й. Рамстедт приходит к заключению, что в области консонантизма монгольский стоит на более древней, более близкой к праязыковой ступени развития, чем тюркский.

Отношение специалистов по алтайским языкам к фонетическому закону Рамстедта – Пеллио неоднозначно: от восторженно благожелательного до резко критического. Как показывает знакомство с историей исследования данной проблемы, практически все специалисты, в той или иной мере касавшиеся данного вопроса, отмечают недостаточную обоснованность закона Рамстедта – Пеллио, вносят в него существенные коррективы и дополнения, уточняют межгрупповые лексические сближения и т.д. Настороженное и даже критическое отношение к данному закону вызвано, прежде всего, тем обстоятельством, что большая часть внутриаалтайских межгрупповых сближений недостаточно обоснована филологически и во многом носит произвольный характер. Очень часто разные исследователи в качестве генуинных объединяют совершенно разные тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские формы и, естественно, предлагают новые формы праалтайских архетипов. Все это свидетельствует о том, что в основу закона Рамстедта – Пеллио изначально были заложены не проверенные с надлежащей строгостью, а потому во многом произвольные, лексические сближения.

Особого внимания заслуживает точка зрения Г. Дёрфера, который дает закону Рамстедта – Пеллио свое истолкование. Он реконструирует инициальный глухой *p- в праторкском, а не в праалтайском, как это принято традиционно, и видит следы этого праторкского *p- в халаджском *h*-. Исходя из этой точки зрения, он говорит о двух диахронических пластах тюркских заимствований в монгольских языках [9, 50-66]:

1) древнем или древнейшем, где праторкскому анлаутному *p- соответствует среднемонгольский *h*-, на месте которого снова появляется *p*-, о чем свидетельствуют соответствия из тунгусо-маньчжурских языков, ср.:

тюрк. *hūroq*, ср.-монг. *huraqa*, эвенк. *hurqa*, ульч. *puca* «петля», «силок»;

2) относительно поздний пласт, где праторкскому анлаутному *h*-, развившемуся из *p- и сохранившемуся в халаджском языке в виде *h*-, в монгольских языках соответствует отсутствие звука [θ-], а в тунгусо-маньчжурских – *h*- и отсутствие звука [θ-], ср.: халадж. *hat* (< *pat), тюрк. *at*, п.-монг. *ayta* «мерин», орок. *hakta* «кастрированный олень».

Произведенное Г. Дёрфером разграничение двух диахронических пластов тюркских заимствований в монгольских языках конкретизируется указанием на последовательность преобразований праторкского анлаутного *p- и на их хронологию:

1) праторк. *p- → прамонг. *p- (позднее в тюркских и монгольских языках *p- > *h- и затем в большинстве языков *h- > θ-) → нан., ульч., орок. *p*-, маньчж. *f*-, эвенк. *h*- и т.д.;

2) праторк. *p- > *h- → монг. θ-.

Переход *p- > *h-, по представлениям Г. Дёрфера, в монгольских языках происходил в период с VI в. по XII в.; переход *h- > θ- в тюркских языках осуществился до X-XI вв.

Аналитический обзор и освещение основных результатов, полученных учеными-алтаистами показали, что проверка закона Рамстедта – Пеллио на монгольском материале демонстрирует следующую картину:

1) в бурятском, халха-монгольском, а также, видимо, и в ойратско-калмыцком, начальные гласные имеют «инкурсию со слабым придыханием» особенно перед узкими гласными, то есть произносятся с протетическим гортанным смычным звуком, который мало заметен и в письме не отражается;

2) в старописьменных памятниках монгольского языка эта гортанная смычка очень часто (но не регулярно – Ж.Т.) получает своеобразное графическое отражение и в транскрипции условно передается знаком *h* (Поппе, 1938, 44-47);

3) в изолированных монгольских языках эта гортанная смычка усиливается и проявляется в виде протетических по своей природе анлаутных согласных *h*-, *f*-, *w*-, *š*- и проч.: дагур. *h*-, *w*-, *š*-; монгор. *f*-, *w*-, *š*-; дунс. *h*-, *w*-, *f*-, *š*-; баоань. *h*-, *w*-, *f*-, *š*-; ш.-югур. *h*-, *w*-, *f*-, *š*-; при чем надо

заметить, что *f*- чаще всего выступает перед губными гласными, а *ǰ*- – перед гласным *i*. В данном случае мы имеем дело со своеобразной палатализацией *h*-/*W*- перед последующим *-i*-(*-i*). Это фонетическое явление, кстати, требует более детального изучения;

4) появление протетических согласных, как в языках старописьменных памятников, так и в современных изолированных языках во многом носит произвольный характер и не подчиняется какой-то строгой закономерности: одно и то же слово в одних памятниках и языках может выступать с начальным протетическим согласным, а в других – без него; есть и такие слова, которые почти во всех источниках представлены с протетическим согласным или, напротив, везде без протезы. Такая нерегулярность, по всей вероятности, является специфической особенностью протетических согласных, имеющей универсальный характер.

Важно также отметить, что протетические согласные наиболее отчетливо проявляются в восточной периферии монгольского языкового ареала, где влияние иноязычного субстрата проявляется наиболее рельефно.

Таким образом, анализ показал, что нет убедительных оснований для возведения среднемонгольского *h*- и его продолжений в дагурском, монгорском, баоанском, дунсянском и шира-югурском языках к праалтайскому **p*- или **p^c*- (**φ*-), так как среднемонгольский *h*- по своей природе является протетически согласным, возникшим в результате усиления гортанного спиранта (смычки) в начале слов на исторические анлаутные гласные.

Проверка закона Рамстедта – Пеллио на тюркском материале в основном предпринималась А.М. Щербаком [10, 179-180].

Согласно закону Рамстедта – Пеллио, реконструируемый для праалтайского состояния сильный смычный аспирированный **p*- или его билабиальный вариант **φ*- в тюркских языках исчез без следа и очень давно. Процесс исчезновения анлаутного **p*- более или менее точно можно датировать общим тюрко-монгольским состоянием; в прототюркском, или общетюркском, языке начальный **h*- (< **p*-) уже исчез.

Между тем в настоящее время известно значительное число слов, которые в одном или нескольких тюркских языках характеризуются наличием начального придыхательного (*h*-), губного (*v*- ~ *w*-) или среднеязычного (*j*-) протетического согласного.

Слова с протетически *h*- отмечены в ряде современных тюркских языков:

в азербайджанском: *hög*- (~ тюрк. *ö:t*-, каз. *ög*-, чув. *vög*-) «вязать, плести»; *hürk*- (~ тюрк. *ürk*-, каз. *ürük*-, туркм. диал. *hürk*-, гаг. *jürük*-, чув. *ëgëw*-) «пугаться»;

в гагаузском: *hajuɣ* (~ тюрк. *adıɣ*, каз. *ajuɣ*, чув. *ājār ~ ifā*) «жеребец»; *halma* (~ тюрк. *alma*, каз. *alma*, чув. *ulma*) «яблоко»;

в турецком: *hark* (~ тюрк. *ārıq*, каз. *aɣıq*, чув. *aṙāk ← тат.*) «арык», «канавка»; тур. диал. *holta* (~ тур. *olta*, чув. *vālda*) «удочка»; т.д.;

в туркменском: *hīn* (~ тюрк. *īn*, каз. *in*, чув. *jēñē*) «нора», «берлога»;

в халаджском: *hār* (~ тюрк. *ēr*, каз. *er*, чув. *ar*) «мужчина»; *hat* (~ тюрк. *at*, каз. *at*, чув. *ut*) «лошадь»;

в сарыг-югурском: *haɣa* (~ тюрк. *aɣa*, каз. *aɣa*, чув. *uɣa* – в составе *uɣalāw* «чересседельник») «спина»; *hat* (~ тюрк. *at*, каз. *at*, чув. *ut*) «конь», «лошадь»; и т.п. [9, 1976, с.28-29];

в узбекском: *hūl* (~ тюрк. *ö:l*, каз. *öl*, чув. *vil*) «влага», «мокрый, влажный»; *hükiz* (~ тюрк. *öküz*, каз. *ögiz*, чув. *vāGār*) «бык»;

в уйгурском: *hārā* (~ тюрк. *ara*, каз. *ara*, чув. *ura* – в составе *tēGēl-Dura* «шершень», «оса») «пчела», «оса»; *ha-* (~ тюрк. *a-*, *aɣ-*, каз. *aɣ-*, чув. *u-*) «установить», «утомляться»;

в кумыкском: *haw* (~ тюрк. *āβ*, каз. *aw*) «дичь», «охота»; *haraqı* (~ тюрк. *araqı*, каз. *araq*, чув. *egege ← тат.*) «вино, водка»;

в каримском: кар. к. *hit-* (~ тюрк. *it-*, каз. *ıjter-*, чув. *jāt-*) «толкать» и др.

Объединяющей разные тюркские языки чертой, как нетрудно заметить из приведенных примеров, является то, что соответствия в плане протезирования крайне не регулярны не только внутри групп тюркских языков, но и между диалектами внутри одного языка.

Слова с протетическим *h-* встречаются преимущественно в огузских (азербайджанском, турецком, гагаузском, туркменском, халаджском, саларском) и карлукских (узбекском, уйгурском), а также в каракалпакском, кумыкском, сарыг-югурском и некоторых других языках (кстати, имеющих прямые связи с огузскими языками), в кыргызской (хонгоройской) и якутской группах они вообще неизвестны.

Начальный *h-* в словах иноязычного (большей частью арабского и персидского) происхождения на тюркской языковой почве часто подвергается разнообразной фонетической адаптации. Г. Дёрфер объясняет лексические параллели между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками как следствие продолжительных и тесных исторических контактов:

Исходя из этих теоретических предпосылок, Г. Дёрфер по существу пересматривает закон Рамстедта – Пеллио, но все же, чтобы как-то объяснить соответствие между тюрк. *σ-* (халадж. *h-*) ~ монг. *h-* и т.-маньчж. *h- ~ f- ~ p-*, реконструируемый Г.Й. Рамстедтом и его последователями для праалтайского состояния анлаутный **p-* переносит на пратюркскую плоскость [9, 50-66]. К уже известным в науке данным Г. Дёрфером были добавлены лексические основы с начальным аспирированным *h-* из группы халаджских говоров (или диалектов) в Центральном Иране, в

соответствующих основах из других тюркских языков, по его мнению, *h*- в аналауте отсутствует.

Прежде всего следует заметить, что начальный *h*- встречается нередко и в других тюркских языках – туркменском, азербайджанском, турецких диалектах, гагаузском, кумыкском, уйгурском, узбекском, каракалпакском, сарыг-югурском, тувинском и некоторых других, в ряде которых, кстати, начальный *h*- во многих случаях фигурирует в заимствованиях из иносистемных языков, не имевших в языке-источнике (или посреднике) начального *h*- (материалы см. выше). Названные тюркские языки отличаются от халаджского лишь размерами проявления начального *h*-. Можно не сомневаться в том, что число подобных примеров будет постоянно увеличиваться в ходе дополнительного обследования говоров разных тюркских языков, включая и халаджские.

Таким образом, анализ репрезентативного материала древних и современных тюркских языков показывает, что в пратюркском языке не было коррелятивной оппозиции согласных по признаку глухости/звонкости или силы/слабости в аналаутной позиции. Глухое начало слова является вообще одним из типологических универсальной языков агглютинативного строя. Сильное экспираторное ударение на первом слоге не способствовало работе голосовых связок и исключало возможность образования звонких согласных. Современное состояние тюркских языков, особенно их диалектов хранит немало косвенных признаков, указывающих на правомерность гипотезы о первоначальном глухом аналауте тюркского слова.

Процесс озвончения инициального **p*- мог начаться уже в тюркском праязыке. Есть основания полагать, что на позднем этапе пратюркского состояния шел интенсивный процесс озвончения **p*- > *b*-. Реконструкция инициального звонкого *b*- для более позднего пратюркского состояния подтверждается целым рядом косвенных данных, в том числе статистических, обнаруживаемых в материалах современных тюркских языков, а также письменных памятников. Озвончению инициального **p*- > *b*- способствовало, с одной стороны, продвижение ударения с первого слога на последующие в составе производных слов и словоформ, с другой – явление внешнего сандхи. Однако различие в качестве начальных согласных по признаку глухость / звонкость или сила / слабость следует интерпретировать не как реликт исчезнувшей оппозиции, а как следствие внутрдиалектной или междиалектной альтерации аллофонов одних и тех же фонем, причем противопоставление глухих и звонких аллофонов *p* ↔ *b*- в позднепратюркском не имело какой-либо фонологической значимости.

Такое же развитие претерпевал праязыковой инициальный **p*- в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Праязыковой **p*- ни в тюркских, ни в монгольских, ни в тунгусо-маньчжурских языках никогда не исчезает, но во всех языках подвергается

озвончению (*p- > *b*-), а в некоторых тюркских (огузских) языках – частичной спирантизацией (*p- > *b*- > *v*-) или назализации (*p- > *b*- > *m*- в основном перед последующими через гласный носовыми согласными).

Так называемый «фонетический закон Рамстедта – Пеллио» изначально построен на явно предвзятых постулатах и реальные фонетические процессы, имевшие место в ходе самостоятельного развития тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских чзыков интерпретирует в совершенно извращенном виде. Тщательная ревизия закона Рамстедта – Пеллио на репрезентативном эмпирическом материале тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков показывает, что спорадически появляющиеся в начале слов согласные (т.-маньчж. *h*- ~ *χ*- ~ *f*- ~ *p*-; ср.-монг. *h*- ~ *χ*-, а также *h*-, *χ*-, *f*-, *δ*- в изолированных монгольских языках; тюрк. (халадж.) *h*- и т.п.) по своей природе являются протетическими и возникли в каждой классификационной группе так называемых алтайских языков в ходе их самостоятельного развития. Спорадическое появление протетических согласных в начале слов на этимологические гласные является еще одной типолгической универсалией, характерной для многих языков. Из истории звуковых изменений различных языков известно, что появлению протетических согласных благоприятствует начальное ударение, потому что оно создает так называемые приступы или инкурсии. Различные начальные звуки, нерегулярно появляющиеся перед этимологическими инициальными гласными, являются результатом аспирации – неосознаваемого процесса сохранения или предохранения гласных в условиях внешнего сандхи, функционально соответствующей их акцентуации. Отсюда становится понятным, что наиболее раняя форма протезы представляла собою аспирацию, то есть придыхание. Следовательно, в ряду межъязыковых (междиалектных) соответствий протетических согласных *h*- ~ *χ*- ~ *f*- ~ *p*- приоритет следует отдавать гортанному (или фарингальному) спиранту типа *h*-. Все остальные корреляции протетических согласных развивались позднее в результате закономерных позиционно-комбинаторных изменений изначального приступа или инкурсии. Следовательно, историческая динамика протетических согласных в отдельных классификационных группах так называемых алтайских языков происходила в следующих направлениях:

тюрк. *ø* > *h*- ~ *χ*- > *v*- (перед губными гласными) ~ *j*- (перед неблабильными гласными в чувашском, перед палатальными – в части огузских);

монг. *ø*- > *h*- ~ *χ*- (в среднемонгольском) > *f*- ~ *χ*- (>*δ*- перед *i*) в изолированных монгольских языках;

т.-маньчж. *ø*- > *h*- (эвенк., эвен.) > *χ*- (нег.) ~ *f*- (маньчж.) ~ *χ*- > *f*- > *p*- (нан.), *p*- (ульч.) и т.п.

При этом следует особо оговориться, что развитие протетических согласных в различных классификационных группах языков, традиционно объединяемых в алтайскую общность, имеет не генуинный, а только лишь универсально-типологический характер.

Большая часть межъязыковых или, вернее, межгрупповых сближений, приводимых алтаистами в пользу обоснования закона Рамстедта – Пеллио, при ближайшем знакомстве и всестороннем компаративно-контрастивном анализе оказывается тюркскими заимствованиями в монгольских и монгольскими – в тунгусо-маньчжурских, а это уже убедительно доказывает, что дополнительные инициальные согласные появились на монгольской и на тунгусо-маньчжурской почвах вполне автономно, в относительно поздние этапы их самостоятельного развития, а поэтому на данных показаниях нельзя реконструировать праалтайский *p-. Надо также отметить, что определенная часть межъязыковых сближений, приводимых в алтаистических исследованиях в подтверждение закона Рамстедта – Пеллио, носит явно случайный характер и, наконец, просто некорректна.

Концепция Г. Дёрфера о пратюркском инициальном *p-, якобы отражающемся в халаджском в виде *h*-, по сути своей является своеобразной данью уважения авторитету Г.Й. Рамстедта и его последователей. Халаджский *h*- в сущности своей является протетическим, явно вторичным явлением и, несомненно, находится в одном ряду с протетическим *h*-, представленным в целом ряде живых тюркских языков – в азербайджанском, гагаузском, турецком, туркменском, саларском, сарыг-югурском, узбекском, уйгурском, кумыкском, каракалпакском и даже в тувинском. Поэтому, опираясь на протетический *h*- в халаджском, нельзя реконструировать инициальный *p- для пратюркского состояния.

С учетом изложенных выше фактов и высказанных соображений фонетический закон Рамстедта – Пеллио воспринимается как недостаточно обоснованная гипотеза, и все известные попытки использовать этот «закон» для подкрепления постулата о генетическом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков явно неудачны.

В четвертом разделе «**Казахско-монгольские лексические параллели**» рассматриваются казахско-монгольские (= тюркско-монгольские) лексические соответствия (на примере слов на ЖА- (*ža*). В результате компаративно-контрастивного анализа обширного репрезентативного эмпирического материала и с учетом богатейшего опыта предшественников намечены пути изучения тюркских лексических заимствований в монгольских языках и монголизмов в тюркских, уточнены и дополнены приемы их опознавания, предприняты реальные шаги в сторону систематического разграничения собственного и заимствованного пластов в лексике тюркских и монгольских языков.

Значительное внимание уделено проблеме разграничения тюркского влияния на монгольские идиомы, с одной стороны, и монгольского на тюркские, с другой.

Многолетними усилиями видных алтаистов прошлого века Г.И. Рамstedта, Н.Н. Поппе, М. Рясняна, Б.Я. Владимирцова, В.Л. Котвича и их последователей созданы основы сравнительно-исторической грамматики (фонетики и морфологии), а также компаративно-контрастивной лексикологии алтайских языков. Между тюркскими и монгольскими языками исследователи выявили многочисленные материальные схождения на всех строевых уровнях языка – фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. На этой основе сложилась традиционная алтайская теория, венцом которой являются две сравнительно-исторические грамматики алтайских языков и «Этимологический словарь алтайских языков» в 3-х томах, составленный российскими авторами с учетом новейших достижений алтаистики.

В алтайской общности наиболее близкими друг к другу являются тюркские и монгольские языки, с одной стороны, и монгольские и тунгусо-маньчжурские – с другой. Материальная близость традиционно объединяемых в алтайскую общность языков достойна самого тщательного и разностороннего изучения на всех строевых уровнях и, прежде всего, на уровне лексики, ибо именно лексика способна наиболее адекватно раскрыть реальные контактные и/или генетические взаимоотношения между исследуемыми языками. Положение не меняется от того, рассматривается ли близость тюркских и монгольских (геогр. алтайских) языков друг к другу вслед за ортодоксальными алтаистами как проявление их изначального генетического родства, или же, как считают В.Л. Котвич и др., родством, приобретенным в результате многовековых и интенсивных разнонаправленных контактов и взаимозаимствований, или же полагается, что родство это все еще не доказано.

Методическая ошибка ученых - алтаистов В. Банга, Г.И. Рамstedта, Н.Н. Поппе, Б.Я. Владимирцова, В. Котвича и др., заключалась, прежде всего, в недооценке контактов и материальных взаимозаимствований в образовании языковых сходств. Это сыграло большую роль как в формировании взглядов на происхождение так называемого общеалтайского достояния, так и в выборе способов решения многих вопросов фонетики, морфологии и исторической лексикологии отдельных языков и семей, искусственно объединенных в алтайскую макросемью. И, несмотря на то, что каждый из основоположников традиционной алтаистики в конце своей жизни признал эту ошибку, «сила инерции оказалась настолько значительной, что вплоть до нашего времени конвергентные процессы не получили глубокого освещения» [1, с.135].

Казахский язык, как один из представителей кыпчакской ветви тюркской семьи, имеет многочисленные схождения с языками

монгольской семьи на всех своих строевых уровнях, но прежде всего поражают воображение масштабы и глубина казахско-монгольских лексических параллелей. Согласно предварительным и далеко неполным подсчетам Бухатына Базылхана, автора-составителя уникальных в своем роде казахско-монгольского и монгольско-казахского словарей [12], в современном казахском языке сходными с монгольскими являются 1 500 корневых и 24 000 производных слов из 40 000 лексических единиц, зарегистрированных в словарях. Бурятский языковед И.Д. Бураев в одной из своих работ отмечает, что в «Древнетюркском словаре» ему удалось обнаружить не менее 900 слов, имеющих соответствия в лексике бурятских говоров, а в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков», изданном В.И. Цинциус – более 700 слов, общих с бурятскими [13]. Подводя итоги своим многолетним исследованиям по алтайским языкам, В.Л. Котвич подчеркивает, что общий фонд сходжений между монгольскими и тюркскими языками в лексике составляет примерно 25% всего словарного состава монгольских языков. Исходя из этих математических выкладок, нетрудно подсчитать, что из 70 тысяч слов, представленных в новом «Большом академическом монгольско-русском словаре» [14], по самым скромным подсчетам, более 17 тысяч слов должны оказаться в той или иной степени общими для тюркских и монгольских языков.

Казахско-монгольская языковая общность базируется на огромном количестве материальных сходжений, охватывающих все тематические группы лексики, кроме числительных, а также определенном количестве совпадающих аффиксальных морфем именного и глагольного словообразования. Тюркско-монгольская этнолингвистическая общность, как показывают сравнительно-сопоставительные исследования последних нескольких десятилетий в области алтаистики, сложилась в условиях тесных и продолжительных контактов и не связана узами изначального генетического родства. Линии соприкосновения возникали в разные времена, в различных регионах, в неодинаковых условиях – от опосредованных связей до устойчивого двуязычия. Характер многовековых контактов предопределил «сближение» тюркских и монгольских языков в такой степени, что совпадения и сходства в них при поверхностном сопоставлении стали рассматриваться как факты искомого генетического родства.

Разновременные заимствования и переизимствования, нередко охватывающие почти целиком отдельные тематические группы лексики (например, терминология развитого животноводства, социально-политическая номенклатура, названия металлов, музыкальных инструментов, терминология родства и свойства и т.д., и т.п.) создают видимость существования регулярных фонетических соответствий и закономерных звуковых переходов и тем самым усложняют и без того

очень сложную картину тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Между тем, как справедливо подчеркивает А.М. Щербак, достаточно систематического разбора хотя бы части сходств и совпадений, чтобы убедиться в конвергентной природе данной общности.

Масштабы тюркско-монгольских лексических соответствий, отмечал и Дж. Клоусон: «После исключения слов, которые наверняка можно признать заимствованиями, общие элементы в тюркском и монгольском основном словаре составят не более 2% от основного словаря, причем эти общие слова легче объяснить как заимствования, чем как свидетельство генетических связей...» [3, с.22-41]. Компаративно-контрастивное и историко-этимологическое изучение казахско-монгольских лексических параллелей полностью подтверждает справедливость высказываний Дж. Клоусона и других неолтаистов.

Из проанализированных 122 слов казахского языка на жа- (жаба – жаяу), имеющих соответствия в монгольских языках, которые в алтаистических исследованиях сравнивались с предлагаемыми монгольскими соответствиями, ни одно тюркско-монгольское лексическое сближение нельзя считать общим праалтайским наследием в казахском (шире – тюркских) и монгольских языках. Значительная часть казахско-монгольских лексических сближений при ближайшем знакомстве оказывается заимствованием из тюркского в монгольский и наоборот, вместе с тем велика и доля случайных сближений, не выдерживающих филологической критики.

В составленной нами картотеке казахско-монгольских лексических параллелей насчитывается более 10 тысяч слов казахского языка, которые имеют параллели в монгольских языках. В это число входят только так называемые «первородные основы», явно вторичные морфологически прозрачные производные формы в словник не включены. Проведенный историко-этимологический анализ показывает, что среди них доля возможных претендентов на праалтайскую древность сравнительно мала.

С исторической и генетической точек зрения казахско-монгольские лексические параллели весьма разнородны и имеют различную хронологическую глубину. Материальные схождения между казахским и монгольскими языками могут быть объяснены следующими факторами: 1) случайные совпадения; 2) типологическое сходство; 3) конвергенция из первоначально независимых исходных пунктов; 4) историческая обусловленность.

Исторические причины, в свою очередь, также многочисленны и неоднородны. По мнению Рона-Таш, к ним относятся, например: а) генетическое родство; б) ареальные взаимоотношения (родственных и неродственных языков), обуславливающие общие ареальные черты, которые могут развиваться в систему вторичных соответствий (языковой

союз); в) общее влияние третьего языка (субстратное, контактное, адстратное, суперстратное; прямое, опосредованное и т.д.); г) исторические контакты, отразившиеся в заимствованиях и т.п.

Исторические контакты, отразившиеся в лексических взаимозаимствованиях, в свою очередь, также неоднородны как в генетическом, так и в хронотопологическом отношениях. В генетическом отношении казахско-монгольские лексические параллели прежде всего дифференцируются на следующие группы: 1) тюркские заимствования в монгольских языках; 2) монгольские заимствования в тюркских языках (в том числе и в казахском); 3) казахские заимствования в монгольском (главным образом в западных говорах), калмыцком и др.; 4) сепаратные (отсутствующие в других тюркских языках) монгольские заимствования в казахском; 5) общие заимствования из контактирующих индосистемных языков и т.д., и т.п.

Как видим, уже при первом подступе к генетической и хронотопологической дифференциации казахско-монгольских лексических параллелей перед исследователем встает целый ряд серьезных трудностей, связанных с разработкой научных приемов и методов стратификации разных по своему происхождению генетических пластов фактического материала: например, по каким критериям определить, что анализируемое слово является монгольским заимствованием в казахском (или любом другом тюркском) языке, а не наоборот? Как стратифицировать хронологические пласты многочисленных тюркизмов в монгольском?..

Тюркские и монгольские народы на протяжении их долгой истории, которую сейчас невозможно выверить по письменным источникам, неоднократно вступали в разного рода взаимные контакты, и эти контакты оставили свой след в языке в виде материальных заимствований, которые датируются самыми разными историческими эпохами, ср.:

каз. *ögiz* «вол» ~ др.-тюрк. *öküz*, чув. *văGär* «бык» ~ монг. *üxĕr* «крупный рогатый скот», п.-монг. *üker*, ср.-монг. (h)*üker* и *üküs*;

каз. *tas* «камень» ~ др.-тюрк. *taš* < *tāš > чув. *čul* ~ монг. *čulün*, п.-монг. *čilayun*, ср.-монг. *čila'un* и *tas* «камень», *buj tas* «стрела», баоань. *taše*, *tawe*, дунс. *taši* «камень» и т.д.

В разработке периодизации исторических взаимоотношений тюркских и монгольских языков, по общему мнению специалистов, наиболее релевантными считаются фонетические критерии. Так, например, в настоящее время к наиболее архаичному пласту тюркизмов в монгольских языках относятся слова с признаками ротацизма и ламбдацизма. В результате глубокого историко-этимологического анализа тюркско-монгольских лексических сходжений А. Рона-Таш пришел к такому заключению: «Тюркские заимствования в монгольском до XIII в. вполне определенно свидетельствуют о том, что заимствовались они из множества различных тюркских языков в различные исторические периоды. Одним из

тюркских языков – источником подобных заимствований должен был быть язык, принадлежащий к чувашско-булгарской группе. Надо думать, что последующие исследования выявят еще больше пластов древних булгаро-монгольских контактов». Следовательно, монг. *ūxĕg* «крупный рогатый скот» (при тюрк. *öküz*, каз. *ögiz* «вол», чув. *vāGār* «бык», ср. венг. *ökör* ← др.-булг.) и монг. *šulūn* «камень» (при тюрк. *taš*, каз. *tas*, чув. *šul* «камень») следует относить к наиболее раннему пласту тюркизмов в монгольском, а соответствующие ср.-монг. *ūkūs* «бык» и *tas* «камень» – к относительно поздним заимствованиям из тюркских языков стандартного типа.

Согласно исследованиям Дж. Клоусона, ранние тюркские заимствования проникали в общемонгольский праязык вследствие продолжительных контактов, начавшихся в IV-V вв. Так как тюрки находились в культурном отношении на более высокой ступени развития, чем монголы, то заимствовали преимущественно монголы у тюрков. В обратном же направлении процесс заимствования протекал менее интенсивно, и следы его видны лишь в отдельных тюркских языках, как якутский и тувинский, в меньшей степени алтайский и в еще меньшей мере киргизский и казахский.

Для разработки периодизации истории тюркско-монгольских языковых контактов определенный интерес представляют фонетические корреляции инициального общетюркского *j- (пратюрк. *ǰ- по А.М. Щербаку) ~ каз. *ž-* ~ чув. *š-* в монгольских языках. Судя по материалам алтаистических исследований, тюркскому анлаутному *j- в монгольских языках может соответствовать целый ряд фонетических коррелятов: d-, *ǰ-*, n-, j-, s- ~ *š-*, ср.:

тюрк. *j- ~ каз. *ž-* ~ монг. d-:

тюрк. *jaraq, каз. *žabayı* «шерсть линька», «сваливающаяся шерсть» ~ монг. *dayaki, х.-монг. *dāw* «лялька животных»; п.-монг. *dayagan* < *dawāqan < *daqaqan «жеребенок на втором году»;

тюрк. **jaz-*, каз. *žaz-* «расстилать» ~ монг. **daru-*, х.-монг. *dar-* «прижимать, припечатывать» [15, т. I, с. 472-473];

тюрк. *j-, каз. *ž-* ~ монг. *ǰ-*:

тюрк. *jez, каз. *žez* «медь» ~ монг. *ǰes*, *jez* «медь», «латунь» (← тюрк.), *ǰeg, ср. х.-монг. *ǰeg* *ewsĕg* «оружие, вооружение, боевое снаряжение, доспехи» (← прабулг.?);

тюрк. **jēl-*, каз. *žel-* «бежать рысью, нестись» ~ монг. * *ilu-*, х.-монг. *ǰulba-*, *ǰulda-* «убегать»;

тюрк. *j-, каз. *ž-* ~ монг. n-:

тюрк. **jariš-*, каз. *žabiš-* «приклеиваться, прилипать» ~ монг. **niya-* (< **niba-* < **nira-*), х.-монг. *nā-* «приклеивать»;

тюрк. *jāz ~ *jāg, каз. *žaz* «лето» ~ чув. *šur* «весна» ~ монг. *nirai, х.-монг. *naḡaj* «новорожденный»;

тюрк. *jāz-, каз. žaz- «промахиваться, грешить» ~ монг. *nargi-, х.-монг. nargi- «кутить, веселиться»;

тюрк. *j- ~ каз. ž- ~ монг. j-:

тюрк. *jāda-, каз. žada- «уставать, изнуряться» ~ монг. jada-, х.-монг. jada- «не мочь, не быть в состоянии»;

тюрк. *jāq, каз. žaq «сторона» ~ монг. jaqa «край, ворот»;

тюрк. *jāl, каз. žal «наемная работа» ~ монг. jala, х.-монг. jal «наказание»;

тюрк. *jalman, каз. žalman «тушканчик» ~ х.-монг. jalmān, калм. jalmān «тушканчик»;

тюрк. *j- ~ каз. ž- ~ монг. s-:

тюрк. *jat, каз. žat «чужой, иностранный» ~ монг. sadun, х.-монг. sadān «свойственник, друг».

Традиционная алтаистика предполагает, что фонетическая система монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, по сравнению с тюркской, сохранила более архаичные особенности структуры консонантизма, а поэтому на месте единого тюркского инициального j- для праалтайского состояния реконструирует целый ряд качественно различных согласных:

- 1) тюрк. j- ~ монг. d-, т.-маньчж. d-, кор. t- < праалт. *d-;
- 2) тюрк. j- ~ монг. - , т.-маньчж. - , кор. č- < праалт. *č-;
- 3) тюрк. j- ~ монг. j-, т.-маньчж. j-/ø-, кор. j-/ø-, < праалт. *j-;
- 4) тюрк. j- ~ монг. n-, т.-маньчж. ñ-, кор. n- < праалт. *ñ-;
- 5) тюрк. j- ~ монг. n-, т.-маньчж. n-, кор. n- < праалт. *n-.

Как показывает репрезентативный эмпирический материал, большая часть тюркско-монгольских лексических соответствий (за исключением значительного числа явно некорректных сближений), приведенных для подтверждения соответствующих рядов межгрупповых фонетических корреляций, имеет явно вторичное конвергентное происхождение и не может быть отнесена к праязыковому наследию. В части тюркско-монгольских соответствий приводимые Г.Й. Рамstedтом, Н.Н. Поппе и их последователями практически все сближения по существу являются тюркскими заимствованиями в монгольских языках (явно ошибочные сближения, естественно, в расчет не принимаются). Следовательно, реальная ситуация во взаимоотношениях между тюркскими и монгольскими формами получается прямо противоположной постулируемой ортодоксальными алтаистами: тюркские формы по отношению к монгольским и тунгусо-маньчжурским соответствиям оказываются первичными и более архаичными. Вследствие этого при реконструкции праязыковой формы следует исходить не из монгольских и тунгусо-маньчжурских форм, а из тюркских. Но при таком подходе к репрезентативному материалу, использованному ортодоксальными алтаистами для обоснования алтайской теории, можно получить только

пра- или прототюркские реконструкции, но никак не прамонгольские, пратунгусо-маньчжурские и, тем более, праалтайские.

Подход к многочисленным фонетическим соответствиям тюркского инициального *j- в монгольских и тунгусо-маньчжурского языках с позиций ортодоксальной алтаистики вносит в тюркскую (и шире – алтайскую) фонологию ряд неразрешимых задач и только еще более запутывает и без того чрезвычайно сложную и неимоверно запутанную проблему. Между тем, многие вопросы наиболее последовательно разрешаются при подходе к тюркско-монгольским языковым взаимоотношениям с точки зрения сторонников теории заимствований.

В тюркских лексических заимствованиях Дж. Клоусон выделяет три одновременных пласта, которые отличаются друг от друга рядом особенностей фонетических соответствий. Первый слой тюркских заимствований он относит к периоду до VIII в. н.э., второй слой заимствований – к периоду между VIII и XII веками, третий – к XII и XIII векам.

Первый, наиболее ранний пласт тюркских слов, по предположению Дж. Клоусона, был заимствован древними монголами, а также киданями или каким-либо другим монгольским племенем предположительно из языка тюркоязычного племени табгач ~ тавгач (кит. топа), основавшего династию Северная Вэй (386-535 гг. н.э.). Монголоязычными исследователем считается известные по китайским источникам племена шивэй, ювэнь, си (татабы) и цитань (кидани). Весьма показательна при этом попытка Дж. Клоусона идентифицировать этническое название современных чувашей чăваш с древнетюркским племенным названием табгач ~ тавгач.

Язык табгачей существенно отличался от языка других тюркских племен, известных по китайским источникам – сяньби, мужун, ухуань и др., и имел следующие фонетические особенности:

1) наличие в начальной позиции ряда слов звонкого зубного спиранта d-, изменившегося после VIII в. в j-, ср.: табгач. *daу1 «враг» ~ общетюрк. (после VIII в.) jaу1, каз. žaw, чув. šuj «враг, война» ~ монг. daji(н) «война»; у монголов в словах, заимствованных в этот период, он отражается как d-;

2) сохранение начального ð- (ǰ-, т.е. назализованного j-), который в тюркских языках после VIII в. изменился в j-, а у монголов в словах, заимствованных до VIII в., отразился как n-; ср.: табгач. *ñudruq «кулак» ~ общетюрк. (после VIII в.) judruq, каз. žudiriq, чув. šāmār, čāmār (< *ñājar с назализацией *-j- < *-d- под влиянием анлаутного *ñ; *-j- < *-d-, вместо ожидаемого -r-) ~ монг. pidurqa «кулак»;

3) переход z > r в конце и середине слова (так называемый «алтайский ротацизм»); в древнетюркских языках стандартного типа z в указанных позициях сохраняется, а для монгольских языков в этой группе заимствований характерен ротацизм; ср.: табгач. *öür (← вост.-иран., ср.

тох. okso) «бык» ~ общетюрк. (после VIII в.) öküž, чув. vāGār ~ монг. (h)ūker «крупный рогатый скот»;

4) переход $\check{s} > l$ в конце и середине слова (то есть ламбдацизм); в древнетюркских языках стандартного типа $\check{s}$ сохраняется, а для монгольских языков в указанных позициях характерен ламбдацизм; ср.: табгач. *tavulyan «заяц» ~ общетюрк. (после VIII в.) tavišqan ~ монг. *tabilya(n) > ta'ulya > ta'ulaj «заяц»;

5) изменение интервокального -γ- в -j-; ср.: табгач. *taqja «курица» ~ общетюрк. (после VIII в.) taqıy, каз. tawıq, чув. čāyā ~ монг. taqija «курица» и др.

Следовательно, наиболее ранние тюркские лексические заимствования, проникшие в древнемонгольский до VIII века (то есть до первых фиксаций тюркских языков в письменных памятниках), характеризуются наличием анлаутных d- (~ тюрк. орх. j-, каз. ž-) и ñ- (~ тюрк. орх. j-), интервокального -j- (~ тюрк. орх. -γ-), а также ротацизмом (~ тюрк. орх. z) и ламбдацизмом (~ тюрк. орх. š). Все эти особенности вместе могут быть обнаружены только в языке протобулгар (= огуров) с учетом древнебулгарских заимствований венгерского языка, показаний среднебулгарских эпиграфических памятников булгаро-чувашских заимствований в поволжских и пермских финно-угорских языках и специфических особенностей современного чувашского языка.

Дж. Клоусон добавляет, что в тюркских словах, заимствованных монголами до VIII века н.э. -d- в середине слова перед y и i изменялся в - (ср. общетюрк. *edi, каз. їе «хозяин» ~ монг. *ežen «хозяин»), а после смычных и некоторых других согласных в конце слова появлялся дополнительный гласный, дополнительный слог или -n; ср.: balıq «город» ~ монг. balaya-sun, п.-монг. balyasun, х.-монг. balgas(un) «крепость, город»; тюрк. taγı, кирг. taγı, х.-калп. taγı «просо» ~ монг. tarijan «зерно»; тюрк. baj, каз. baj «богатый, богач» ~ монг. bajan «богач»; тюрк. miñ, каз. miñ «тысяча» ~ монг. *miñgan, х.-монг. «angan «тысяча» и т.д.

Для тюркских лексических заимствований, проникших в древнемонгольский язык задолго до VIII века характерно обилие хозяйственных, культурных и административных терминов.

Согласно исследованиям Дж. Клоусона, во второй период тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений, датируемых хронологическим периодом VIII-XII вв., в среднемонгольский проникают слова из какого-то одного северо-восточного тюркского языка, в котором исторический анлаутный *j- уже перешел в $\check{z}$ -. Тюркизмы с инициальным - прослеживаются уже в языке «Сокровенного сказания монголов». В данный период вокализации, то есть прибавления к концу слова неэтимологического гласного, подвергались, очевидно, только те тюркские слова, которые оканчивались на глухой согласный. Ауслатные -z и -š

тюркских слов при заимствовании в среднемонгольский трансформировались в -s.

Судя по переходу анлаутного *j- в ʃ -, это был какой-то северо-восточный диалект тюркского языка кыпчакского типа, на основе которого, видимо, впоследствии развивались канглыйско-кыпчакские и периферийно-кыпчакские языки джокающего типа, в их числе, несомненно, и казахский.

Третий период тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений датируется исследователями XII-XIII вв., то есть временем возвышения монголов. В этот период в среднемонгольский язык проникают лексические заимствования из тюркских языков и диалектов Восточного Туркестана и, в частности, из древнеуйгурского языка. В тюркских лексических заимствованиях третьего периода в среднемонгольском инициальный j- и ауслаутный -ʃ сохраняются без изменений.

Среди тюркских заимствований третьего периода в среднемонгольском широко представлены культурные и религиозные термины, проникновение которых было связано с принятием буддизма и адаптацией уйгурского письма.

Таким образом, в свете современных алтаистических исследований выясняется особая актуальность всестороннего компаративно-контрастивного и историко-этимологического изучения казахско-монгольских лексических параллелей на букву ж-. Благодаря разнообразной рефлексии инициального тюркского j- в монгольском в достаточно широких пределах, во-первых, удастся достаточно адекватно разработать диахронические страты разновременных тюркских лексических заимствований в монгольских языках и монгольских заимствований в казахском в достаточно широкой временной проекции, охватывающей как минимум последние два тысячелетия доступной обозрению истории; во-вторых, создаются условия для установления достаточно надежных фонетических, морфологических, лексико-семантических, историко-культурологических, ареально-географических, хронотопологических и иных диагностических признаков и критериев для сепарации тюркизмов в монгольских языках от монголизмов в тюркских, в том числе, прежде всего, в казахском, в-третьих, создается научно-теоретическая и методическая основа для диахронической, диатопической, генетической систематизации обширного пласта общей для тюркских и монгольских языков лексики, в-четвертых, проверяются и уточняются технические приемы и научная методика этимологического изучения тюркско-монгольских лексических параллелей и т.д. И, наконец, в результате тотального сравнительно-сопоставительного и историко-этимологического изучения общей для тюркских и монгольских языков лексики, надеемся, удастся, наконец, однозначно решить алтайскую проблему в целом.

Особого внимания заслуживают контакты тюркских и монгольских племен в Сибири, Средней Азии и Казахстане в период после монгольского нашествия. Центральная Азия в XIII-XIV вв. оказалась той территорией, где процесс взаимодействия тюркских и монгольских языков стал, по существу, непрерывным вплоть до последнего времени.

Территория Казахстана и Средней Азии была завоевана монголами в начале XIII века. Важнейшим следствием завоевательных походов Чингизхана и его преемников явилось изменение общей ситуации в тюркско-монгольских этнолингвистических контактах и принципиальное изменение направленности языковых заимствований. Наиболее привлекательные регионы Центральной (Средней) Азии – Семиречье, Таласская долина, некоторые районы Мавераннахра в это время заселяются перекочевавшими из Восточного Туркестана монгольскими племенами. Переселение ряда монгольских племен на территорию Казахстана и Средней Азии и участие в этногенезе казахов, киргизов, ногайцев и других тюркских народов региона, тем не менее, как отмечает Щербак А.М., не имело столь значительных последствий для данных языков, какие имели место в Сибири, и сыграло определенную роль лишь в процессе обогащения лексики. К концу XIV века среднеазиатские монголы, оказавшись в сплошном тюркском (главным образом кыпчакском) окружении и подвергаясь сильному ассимилирующему влиянию со стороны тюркских народов, в конце концов полностью утратили свой язык. Вместе с тем в лексике формировавшихся на данной территории различных тюркских языков (в том числе и казахского) отложились заметные следы монгольского суперстратного компонента. Полной утрате монгольского языка предшествовала ситуация двуязычия, засвидетельствованная в письменных источниках и вызывающая большой интерес в плане оценки путей и возможностей смешения языков в этом регионе [10, с.11-12]. Так, например, тюркская лексика, вошедшая в памятник XIV века «Мукаддимаг ал-Адаб», была заимствована монголами преимущественно из языков кыпчакской группы, границы распространения которых совпадают с местами расселения в Средней Азии и Казахстане монгольских племен джалаир, найман, барлас и др. [10, с.190]. А это уже свидетельствует об интенсивных взаимоотношениях и взаимовлияниях между среднекыпчакскими и среднемонгольскими диалектами в этом регионе.

Обращаясь к письменным памятникам XIII-XIV вв., разумеется, еще нельзя говорить о непосредственных казахско-монгольских языковых взаимовлияниях, ибо собственно казахский язык в этот период находился на стадии своего окончательного формирования и, по существу, представлял один из диалектов среднекыпчакского языка. Но не следует игнорировать и тот факт, что в это время функционировал некий среднекыпчакский язык, который в последующем составил основу

центральной (кангльйской) группы кыпчакских языков – общего предка современных казахского, каракалпакского и ногайского языков. Поэтому монгольско-кыпчакские языковые взаимоотношения имеют самое непосредственное отношение и к казахскому языку, а среднемонгольские индифференции служат важным источником для изучения истории собственно казахского языка и его исторического предшественника.

Казахско-монгольские этноязыковые взаимоотношения, то затухая на определенное время, то вновь возгораясь в зависимости от складывающейся в регионе политической ситуации, продолжались и после распада Монгольской империи и формирования самостоятельного казахского народа. Особо активизировались казахско-монгольские этноязыковые контакты в XII-XVIII вв. в связи с образованием Джунгарского ханства. В этот период устанавливаются казахско-ойратские языковые контакты. Несколько позднее на западе Казахстана развиваются казахско-калмыцкие языковые контакты, а на востоке Казахстана и в Западной Монголии (в основном в Баян-Ульгейском аймаке) складываются монгольско-казахские взаимоотношения, которые продолжаются до наших дней.

Результат тотального этимологического анализа казахско-монгольских лексических параллелей на жа- (*ža*) показал, что все они имеют контактное происхождение и в рассматриваемых фрагментах казахского языка не обнаружено ни одного примера, который можно было бы квалифицировать как общее наследие праалтайского состояния.

В выводах подведены итоги диссертационного исследования.

Сравнительно-историческое изучение заимствований как одного из самых динамичных процессов в историческом развитии и обогащении языков является важной общелингвистической проблемой, ставшей весьма актуальной в конце прошлого века в связи с активной разработкой различных аспектов взаимодействия языков. Заимствованные из исторически контактировавших языков слова являются следствием не только языковых контактов, но и результатом взаимоотношений и соприкосновения различных материальных и духовных культур.

Тюркско-монгольские (*resp.* казахско-монгольские) этноязыковые взаимоотношения в разные исторические этапы своего развития имели различную направленность: в домонгольскую эпоху культурные и языковые заимствования осуществлялись преимущественно из тюркских языков в монгольские, а с XIII-XIV вв. – как в том, так и в другом направлениях, причем как непосредственно, так и через посредство других тюркских языков. Так, например, значительная часть слов монгольского происхождения в казахский язык проникла через восточно-тюркское или чагатайское посредство. Поэтому перед исследователями казахско-монгольских языковых взаимоотношений остро стоит задача разработки принципов и методов хронологической стратификации общей для

исследуемых языков лексики, установления ряда фонетических, морфологических, семантических, ареально-географических и т.д. диагностических признаков.

Одним из важных технических приемов сепарации тюркских лексических заимствований в монгольских языках от монгольских лексических заимствований в тюркских (в том числе и в казахском) является сравнительное изучение лексики, зафиксированной в ранних письменных памятниках этих языков. Из наиболее значительных письменных памятников, составленных на тюркских языках смешанного огузско-кыпчакского, кыпчакско-огузского, огузско-туркменских и т.п. типов в XIV веке следует назвать в частности «Мухаббат-наме» Хорезми, «Нахдж аль-Фарадж»; «Хусрау и Ширин» Кутба, «Хуласа» анонимного автора, «Гулистан» Сайфа Сарайи и др. Данные этих памятников используются в работе в необходимых случаях и в ограниченном объеме. Это связано прежде всего с тем обстоятельством, что они созданы в монгольскую эпоху, и, в связи с этим, в своей лексике содержат определенное, подчас пусть даже незначительное, число монгольских заимствований. По этой причине лексика этих и других поздних памятников не может служить однозначным разрешающим диагностическим признаком при выявлении монголизмов в современном казахском языке, а также при их сепарировании от ранних тюркских заимствований в монгольских языках. Тем не менее, при критическом подходе, лексический материал тюркских памятников даже монгольской эпохи может оказать значительную услугу в изучении тюркско-монгольских лексических взаимоотношений в средневековье. Свидетельства тюркских письменно-литературных памятников монгольской и более поздней эпох служат важным источником для изучения реальных масштабов и хронологических рамок тюркско-монгольских контактов, развивавшихся в этот период особо интенсивно.

В диссертационном исследовании осуществлено всестороннее компаративно-контрастивное и историко-этимологическое исследование казахско-монгольских лексических параллелей с детальной разработкой генезиса, словообразовательной структуры, фонетического и семантического развития слова, внутриязыковых и внешних связей общих для двух данных языков слов в доступной для воссоздания хронологической, географической и этнокультурной проекции.

Список использованных источников

- 1 Щербак А.М. К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. – Л., 1989. – С. 135.
- 2 Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 371 с.

- 3 Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории // Вопросы языкознания. – М., 1969. – № 5. – С. 22-41 и др.
- 4 Степанов Ю.С. Концепты: Словарь русской культуры / Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академ. Проект, 2001. – 990 с.
- 5 Рона-Таш А. Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // Вопросы языкознания. – М., 1974. – № 2. – С. 31-45; Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке // Чувашский язык: история и этимология. – Чебоксары, 1987. – С. 6-16.
- 6 Дарбакова В.П. К этимологии этнонима калмык // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 265-268.
- 7 Street J. Proto-altaic *-l(V)b- ~ turcic § // Central Asiatic Journal. – The Hague; Wiesbaden, 1980. – Vol. 24. – № 3-4.
- 8 ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «К». – М.: Наука, 2000. – 265 с.
- 9 Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // Вопросы языкознания. – М., 1972. – № 3. – С. 50-66.
- 10 Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – 291 с. и др.
- 11 Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. – М.: Наука, 1976.
- 12 Базылхан Б. Моңғол-қазақ тілінің грамматикасынан қысқаша салыстырмалы белгілеулер // Б.Базылхан. Монгол-казах толь. – Улаанбаатар; Өлгий, 1984. – 807-885 б.
- 13 Бураев И.Д. Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии PIAC. – Ташкент, 1986. – Т. II. Лингвистика. – С. 27-29.
- 14 БАМРС, Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. – М., 2001-2002. – Т. 1-4.
- 15 EDAL – Etymological Dictionary of the Altaic languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Part one [A–K]. – 858 p.; Part two [L–Z]. – 859-1556 p.; Part three [Indices]. – 1557-2096 p.

Условные знаки

- || встречается параллельно; соответствует форме
- = равняется; так же, как ...
- / разграничение сингармонических вариантов аффиксов
- < образовался из ..., развился из ...
- > перешло в ..., развилось в ...
- заимствовано в ...
- ← заимствовано из ...

- ~ чередуется, соответствует форме
 * восстановленная или предполагаемая форма
 √ корень слова

**Список публикаций,
 в которых отражено основное содержание диссертации**

- 1 Становление и развитие алтайской теории и алтаистики. Монография. – Туркестан: МКТУ им. Х.А.Ясави, 2006. – 272 с.
- 2 История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Монография. – Астана, 2008 г. – 371 с.
- 3 Проблема анлаутных губных согласных в алтайских языках (ревизия фонетического закона Рамстедта-Пеллио). Монография. – Москва, 2004 г. – 182 с.
- 4 Казахско-монгольские лексические параллели. Материалы к Этимологическому словарю казахского языка. Научное издание. – М.: Русский раритет, 2005 г. – 560 с.
- 5 Словарь тюркских лингвистических терминов (в соавторстве с Наскали Е.Г.). – Анкара, 1996 г.
- 6 Индикативные формы глаголов в казахском языке. – Алматы. – 1991 г.
- 7 Казахский язык: Грамматический справочник. – Алматы. – 1991 г. – 83с.
- 8 Қазақ тілі. Грамматикалық анықтағыш. – Алматы: “Ғылым” ғылыми баспа орталығы, 2004. – 108 б.
- 9 Транспозиция временных форм индикатива казахского языка // Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. 7-9 сентября 1988 г. – Фрунзе, 1988. – С. 167-168.
- 10 Түркология және жаңа Қазақстан // Қазақ тілі мен әдебиеті. – 2007 ж. – № 9. – 3-11 бб.
- 11 Түркі тілдерінің оғыз және қыпшақ тобындағы индикатив тұлғалары // Первый международный тюркологический конгресс «Актуальные проблемы современной тюркологии и ее задачи на перспективу» – Туркестан, 2002 г. – С. 72-73.
- 12 Диагностические признаки выделения тюркских заимствований в монгольских языках // Вестник Международного казахско-турецкого университета. – 2006 г. – № 1. – С.13-34.
- 13 Диагностические признаки выделения монгольских заимствований в тюркских языках // Тюркология. – 2006 г. – № 2. – С.3-20.
- 14 Казахско-монгольские лексические параллели, алтайская теория и история чувашского языка // Второй международный тюркологический конгресс «Современная тюркология: теория, практика и перспектива» – Туркестан, 2006 г. – С. 329-351.

- 15 Диагностические признаки выделения тюркских заимствований в письменных памятниках монгольских языков // Сборник статей «Basileus», посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. – Институт востоковедения РАН, М.: Восточная литература, 2007 г. – С. 255-282.
- 16 Вопросы изучения тюркских языков в сравнительно-историческом освещении // Вестник ЗКГУ им. М.Утемисова. – 2008 г. - Вып. 4 (32) – С. 3-18.
- 17 Лингвистическая компаративистика сегодня: проблемы и перспективы // Вестник КазУМОиМЯ им. Абылай хана. – 2008 г. –Серия филология.- № 3(20). – С. 40-46.
- 18 Некоторые проблемы лексикологических исследований в алтаистике и тюркологии // Научный мир Казахстана. – 2008 г. – №5 – С. 80-84.
- 19 К вопросу о происхождении этнонима *mongyol* (*mongyul*) // Вестник Евразийского гуманитарного института. – 2008 г. – № 4 – С. 4-14.
- 20 Диахроническая стратификация монгольских заимствований в казахском языке // Вестник Евразийского гуманитарного института. – 2008 г. – № 4 – С. 15-22.
- 21 Родоплеменная этнонимия как отражение тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений // «Поиск» – 2008 г. – № 4 (1) – С. 153-163.
- 22 Калмыцкие лексические заимствования казахского языка // «Поиск» – 2008 г. – № 4 (1) – С.163-173.
- 23 К вопросу о тюркском влиянии на монгольские языки // «Поиск» – 2008 г. – № 4 (1) – С.173-177.
- 24 К истории монгольско-тюркских этноязыковых взаимоотношений // Вестник университета «Кайнар» – 2008 г. – № 4/1. – С.10-14.
- 25 Монгольские лексические заимствования в казахском языке // Вестник университета «Кайнар» – 2008 г. – № 4/1 – С.15-20.
- 26 Историческая динамика формирования тюркской родоплеменной этнонимии // Вестник КазУМОиМЯ им. Абылай хана. – 2008 г. – №3 (20)- С. 5-18
- 27 Лексические заимствования среднемонгольского периода происхождения в казахском языке // Вестник Международного казахско-турецкого университета им. Х.А.Ясави. – 2008 г. – № 3. – С.13-17.
- 28 Огурко-монгольские этноязыковые взаимоотношения (хронологический аспект) // Вестник Международного казахско-турецкого университета им. Х.А.Ясави. – 2008 г. – № 3. – С.23-29.
- 29 Этимология этнонима ойрат // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. – 2008 г. – Выпуск № 2: «Общие проблемы филологии». – С. 3-10.
- 30 Халха-монгольские лексические заимствования (в баян-ульгейском говоре казахского языка) // Вестник Казахстанско-Американского

свободного университета. – 2008 г. – Выпуск № 2: «Общие проблемы филологии». – С. 10-14.

31 Этимологические этюды (на материале тюрко-монгольских языков) // Вестник ЗКГУ им. М.Утемисова. – 2008 г.- Вып. 4(32). – С. 33-47.

32 К вопросу об исторических типах языковых взаимосвязей // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия Гуманитарные науки. – 2008. - № 3- С. 109-114.

33 «Мәдени мұра» және аймақаралық ынтымақтастық аясындағы мақ саттары // «Рухани – ғылыми мұра». Республикалық ғылыми-теориялық конференцияның материалдары. Алматы: Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, 2008 - 36-39 б.

Түймебаев Жансейіт Қансейітұлы

Түркі-монғол тілдеріндегі лексикалық параллельдердің ара жігін тарихи-генетикалық тұрғыдан ажыратудың теориялық ұстанымдары мен критерийлері

10.02.06-түркі тілдері мамандығы бойынша филология ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация авторефератының

Түйіні

Диссертациялық жұмыста түркі және монғол тілдерінің қарым-қатынасы мен өзара ықпалдастығы мәселелерін лингвистикалық және тарихи-стратиграфиялық тұрғыдан кешенді зерттеу тәжірибесі сипатталады.

Түркі және монғол халықтарының тарихи және этнотілдік қарым-қатынасы алтаистика, түркітану және монғолтану сияқты сүбелі ғылым салаларының кешенді зерттеуді талап ететін күрделі мәселелерінің бірі. Лингвистердің, тарихшылар мен этнографтардың т.б. бір ғасырдан аса уақыт бойы ерекше назарын аударып келе жатқан түркі және монғол тілдерінің өзара байланысы, соның ішінде түркі-монғол екі жақты кірмелік құбылысы ортодоксальды алтай болжамы аясындағы зерттеулерде фрагментарлы түрде орын алғанымен, тарихи-стратиграфиялық, теориялық-методологиялық, тарихи-салыстырмалы және лингвопрагматикалық тұрғыдан кешенді түрде арнайы зерттеу нысанына алынбай келеді. Түркі-монғол тілдеріндегі екі жақты кірмелік құбылысын жүйелі түрде зерттеу, соның негізінде түркі тілдеріндегі монғолизмдер мен монғол тілдеріндегі түркізмдердің ара жігін айырудың критерийлері мен ұстанымдарын айқындау алтай теориясындағы генеалогиялық немесе типологиялық ортақтық мәселелерінің шешімін табуға мүмкіндік берумен қатар, түркі және монғол тілдері тарихи грамматикасы мен тарихи лексикасының эволюциялық дамуындағы тарихи-тілдік кезеңдер мен қабаттарды айқындауға негіз болады.

Қазақ тіліндегі және басқа да түркі тілдеріндегі монғол кірме элементтерінің толық айқындалмауы, фактологиялық материалдың жеткілікті деңгейде жинақталмауы, қазақ және монғол халықтарының ең тығыз араласқан кезеңдерін сипаттайтын тілдік материалдардың жүйеленбеуі қазақ тілі тарихи лексикологиясының көптеген мәселелерін шешуде қиындықтар тудыруда. Аталған мәселелер диссертациялық жұмыс тақырыбының өзектілігін айқындайды.

Түркі-монғол тілдеріндегі лексикалық параллельдерді кешенді түрде тарихи-стратиграфиялық, салыстырмалы-тарихи талдаулар негізінде зерттеу лингвистикалық компаративистиканың ғылым ретінде дамуына

ықпал етуімен қатар тарихи деректану, этнография, этнология, мәдениет және тарих тәрізді салааралық пәндердің түрлі мәселерінің шешімін табуға да жол ашатын көкейкесті мәселе.

Зерттеу жұмысының мақсаты - түркі-монғол этнотілдік байланыстарының қалыптасу тарихын, олардың өзара ықпалдасуы мен қарым-қатынасқа түсу тәсілдерін, қазақ (түркі) және монғол тілдерінің тарихи байланысқа түсу жолдары мен бағыттарын анықтау негізінде монғол тілдеріндегі түркі элементтерін, сондай-ақ қазақ тіліндегі (кеңірек алғанда түркі тілдеріндегі) монғол элементтерін айқындау және олардың ара жігін айырудың тарихи-стратиграфиялық, ғылыми-лингвистикалық ұстанымдарын белгілеу. Осы мақсатқа орай мынадай міндеттерді шешу көзделеді:

- алтаистиканың ғылыми бағыт ретінде қалыптасу кезеңдерін талдап, алтай теориясы жайлы болжамдарға ғылыми-аналитикалық сипаттама беру;
- түркі және монғол тілдері лексикасының ортақ қабатын диахрониялық, диатопиялық, генетикалық тұрғыдан жүйелеу үшін қажетті ғылыми-теориялық және әдіснамалық негіздеме жасау;
- түркі-монғол лексикалық параллельдерін этимологиялық тұрғыдан талдаудың техникалық амал-тәсілдері мен ғылыми әдістемесін жасау;
- түркі тілдеріндегі монғолизмдерден монғол тілдеріндегі түркизмдерді ажырату критерийлерін және қарама-қарсы кірмеліктің фонетикалық, морфологиялық, лексика-семантикалық, тарихи-мәдениеттанымдық, ареалды-географиялық, хронотопологиялық және басқа да диагностикалық белгілерінің репрезентативтік тобын айқындау;
- әртүрлі диахрониялық деңгейлерге сәйкес таксондарды саралау: а) монғол тілдеріндегі түркілік кірме элементтер; б) түркі тілдеріндегі монғол элементтері;
- түркі-монғол қарым-қатынасының әртүрлі тарихи кезеңдеріне ортақ негізгі белгілерін көрсету;
- әртүрлі тарихи кезеңдерге тән лексикалық кірмеліктің таксономиялық деңгейіне сай жобалаудың ғылыми ұстанымдарын анықтау.

Зерттеу нысаны – түркі (қазақ) және монғол тілдеріндегі лексикалық параллельдер және екі жақты кірмелік құбылысы.

Диссертацияда көзделген мақсат-міндеттер жалпы ғылыми және лингвистикалық әдістер мен амал-тәсілдерді тоғыстыра қолдануды қажет етуіне байланысты диахронды-салыстырмалы, синхронды-салғастырмалы, тарихи-сипаттамалы бағыттағы әдістер кешенді түрде пайдаланылды. Тарихи-салыстырмалы, салғастырмалы-типологиялық, этимологиялық, лексика-семантикалық және морфемдік-компоненттік, фонетика-

фонологиялық талдау тәсілдері түркі және монғол тілдеріндегі лексикалық параллельдердің фонологиялық, морфологиялық құрлымы мен лексика-семантикалық ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді.

Зерттеу материалдары мен дереккөздері. Зерттеудің негізгі дереккөзі ретінде түрлі сөздіктер (этимологиялық, тарихи-этимологиялық, түсіндірме, екі тілді т.б.) мен түркі және монғол жазбаларының (VII-XII ғғ. және XII-XIV ғғ.) түпнұсқалары мен аудармалары пайдаланылды. Зерттеудің материалы ретінде лексикалық бірліктерді жинақтау нәтижесінде айқындалған түркі-монғол тілдеріндегі кірме элементтер және олардың лексикалық варианттары алынды. Талдауға түскен лексемалардың жалпы санын 10000 бірлік құрайды.

Ғылыми жаңалығы. Зерттеу жұмысының жаңалығы тарихи қарым-қатынас пен этимологиялық экскурс негізінде байтай тобына енетін тілдердің өзара тарихи-мәдени және тілдік байланысы нәтижелерін теориялық тұрғыдан негіздеу концепциясының ұсынылуымен сипатталады. Диссертацияда алғаш рет компаративті-контрастивті және тарихи-этимологиялық зерттеу арқылы түркі-монғол тілдері лексикасының ортақ қабаттарына генезистік талдау жасалып, лексикалық параллельдердің фонетика-морфологиялық құрылымы мен семантикалық дамуы тілдің ішкі заңдылықтары мен сыртқы факторлардың сабақтастығы негізінде сараланды.

Түркі тілдеріндегі монголизмдер мен монғол тілдеріндегі түркизмдердің ара жігін лексикалық параллельдер құрамындағы дыбыс сәйкестіктерінің табиғаты арқылы анықтауға болатындығы дәйектелді. Қазақ-монғол тілдеріндегі лексикалық параллельдердің қалыптасуы тіларалық байланыс пен өзара ықпалдастыққа қолайлы жағдай туғызған тарихи-элеуметтік факторлар аясында қарастырылып, ортақ лексиканың тарихи қабаттары айқындалды. Тарихи және лингвистикалық деректер негізінде түркі-монғол этнотілдік байланысының хронологиялық кезеңдері анықталып, түркі тілдері даму тарихының жаңа хронотопологиялық аралық шегі ұсынылды.

Түркі-монғол тілдеріндегі лексикалық параллельдерді тарихи-генезистік тұрғыдан зерттеу барысында ортақ методологияға негізделген әртүрлі парадигмаларды өзара сабақтастыра отырып, тарихи, этнографиялық, мәдениеттанымдық, философиялық деректерді лингвистикалық талдаулармен ұштастыра қарастыру да алтаистикалық зерттеулер аясындағы соны үрдіс болып табылады.

Зерттеудің құрылымы мен мазмұны. Диссертациялық жұмыстың құрылымы зерттеудің бағыты мен мақсат-міндеттеріне, зерттеу пәнінің ерекшелігіне сәйкес анықталады. Зерттеу жұмысы кіріспеден, 4 тараудан, қорытындыдан және қолданылған әдебиеттер тізімі мен шартты қысқартулар анықтамасынан тұрады.

SUMMARY

Tuimebayev Zhanseit Kanseitovich

The theoretical principles and criteria of historical and genetic distinction of Turkic-Mongolian lexical parallels

10.02.06 - Turkic languages

The experience of integrated linguistic, historical and stratigraphic research of Turkic-Mongolian relationship.

The relevance of Dissertation Research. Turkic-Mongolian interaction of historical ethnic languages - is one of the most interesting, but at the same time one of intractable problems of linguistics. With all the increased attention of linguists, historians, ethnographers, etc. in the orthodox Altaic hypothesis, the Turkic - Mongolian problem of ethnic languages generally contacts with the Kazakh-Mongolian, and in particular they are not still sufficiently composed of lighting in the literature as theoretical and applied aspects.

The decision of many issues of historical lexicology in the Kazakh language and especially the problems of Mongolian lexical borrowing in the Kazakh language like in most other Turkic languages are hampered by the fact that they are not fully assembled, organized and identified and also they are not accessible for appropriating language material. Therefore, these issues require important researches in this area.

It should be stressed that a comprehensive study of Turkic-Mongolian lexical parallels completely in forming of treatment for such aspects of the analysis such as historical and stratigraphic, comparative historic analysis are discovered besides the development of the comparativism as a science is rather ample for solving many important issues such as allied science as historical source study, ethnography and ethnology, culture and history.

The purpose of the study is to identify the history of connection of Turkic-Mongol ethnic languages, their relations and ascertainment of methods, ways and means of the historical interaction of the Mongolian and Kazakh (more - Turkic) languages and, by this fact the distinction of Turkic lexical borrowings in the Mongolian language, Mongolian and in Kazakh (more - Turkic).

The goal and logic of the research is predetermined the necessity to solve the following **tasks**:

- to analyze the stage of Altaic as tendencies, provide scientific and analytical review of existing hypotheses in the Altaic theory;
- to work out scientific-theoretical and methodological foundation for diachronic, diatopic, genetic systemising of the vast reservoir common to the lexicology of Turkic and Mongolian languages;

- to work out the techniques and scientific method of etymological analyze of Turkic-Mongolian lexical parallels;

- to establish representative series of phonetic, morphological, lexical-semantic, historical-cultural, areal-geographic, chronic topological and other diagnostic features and criteria of distinguishing the Turkic and Mongolian languages from mongolism in Turkic;

- to identify appropriate different taxa for diachronic levels: a) Turkic borrowings in Mongolian and b) Mongolian borrowings in Turkic languages;

- to identify the zone of possible Turkic-Mongolian contacts in different historical epochs in general terms;

- to develop the scientific principles of the relevant taxonomic levels of lexical borrowings identified for the different historical periods: a) Turkic borrowings in Mongolian and b) the Mongolian borrowings in Turkic languages.

The object of research are Turkic and Mongolian lexical borrowings.

The subject of research are Turkic and Mongolian languages.

The aim and objectives of the research made it necessary to use different scientific and linguistic methods and techniques in the study. Descriptive, comparative, comparative-historical methods used in the research help to reveal peculiarities of lexical-semantic and morphological structure of many lexical units of Turkic and Mongolian languages. Different forms of analysis and synthesis, textual analysis, quantitative counting revealed general and linguistic concepts necessary to justify the use of the principles and criteria for diagnosing the linguistic units.

The methodological basis of the research made theoretical postulates, according to which the facts and events are actually considered primarily in terms of historicism and system.

Sources and research materials. The main sources of the research made the data of different types of dictionaries (etymological, historical-etymological, explanatory, historical, bilingual, etc.), written sources - original and translated monuments of Turkic and Mongolian script (VII-XII and XII-XIV centuries). Lexical units-borrowings of Turkic and Mongolian languages and their lexical variants made the research materials as a result of continuous sample. The total volume of analyzed lexemes comprised more than 10 000 units.

The scientific novelty of the research is defined by the concept of results of the language and cultural-historical relationship of Altaic group of languages, based on the history of contacts and etymological review. The comparative-contrastive and historical-etymological research general for Turkic and Mongolian vocabulary with detailed investigation of genesis, word-forming structure and phonetic and semantic word development, internal and external language connection of words considered languages has been taken in this dissertation. Turkic-Mongolian lexical parallels are being analyzed on a new

level of perception in the frame of problems in Altaic group combining different data of history, philosophy, methodological basis, ethnography.

The chronology of Turkic-Mongolian ethnic language relations on historical and linguistic data was established, and new chronological-topological history of Turkic language development was suggested.

The structure and content of work. The structure of the thesis is determined by the overall tendency of dissertation, set out concrete tasks and specifics of investigating the subject. The dissertation consists of introduction, 4 chapters, conclusion, the list of used literature, definitions and abbreviations.

ТУЙМЕБАЕВ ЖАНСЕЙТ КАНСЕЙТОВИЧ

**Теоретические принципы и критерии историко-генетического
разграничения тюркско-монгольских лексических параллелей**

10.02.06 – тюркские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

иб № 3258. Подписано в печать 20.11.2008 г. Формат 60x84 1/16. Бумага
офсетная. Печать RISO. Объем 3,0 п.л. Заказ № 251. Тираж 300 экз.
010000, г. Астана, пр. Победы, 60

Отпечатано в типографии Национального центра тестирования МОН РК